

18+ по течению

КНИГА ПЕРВАЯ

ЕЛИЗАВЕТА САГИРОВА

Елизавета Сагирова

Вниз по течению. Книга первая

«Издательские решения»

Сагирова Е.

Вниз по течению. Книга первая / Е. Сагирова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985386-8

Принято считать, что женский алкоголизм неизлечим, но это не останавливало девушку Наталию, ведущую нетрезвый образ жизни. Но разве могла она представить, что после очередного загула окажется в диких местах и в не менее диких обстоятельствах? Что её реальностью станут бесконечные северные болота, а кругом общения — горстка таких же отщепенцев, связанных общей бедой? И что ей предстоит узнать, что алкоголь — это не просто вредная привычка, а нечто гораздо более глубокое и тёмное? Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985386-8

© Сагирова Е.
© Издательские решения

Содержание

Посвящаю эту историю моей подруге Наташе, плывущей вниз по течению	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Вниз по течению

Книга первая

Елизавета Сагирова

Иллюстратор Елизавета Сагирова

© Елизавета Сагирова, 2023

© Елизавета Сагирова, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4498-5386-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-5387-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящаю эту историю моей подруге Наташе, плывущей вниз по течению

*У меня лежит не один товарищ,
На одном из тех деревенских кладбищ,
Где тёплый ветерок на овальной фотке,
Песенку поёт о палёной водке.*

*Игорь Растеряев
«Ромашки»*

Глава 1

*Эпиграфы к главам взяты с форума анонимных алкоголиков.
Спасибо ребята.*

«Решил тоже поделиться! Один раз где-то года полтора назад впал в жестокий, адский итпор, пил дней семь, в основном виски из горла. Шло уже как вода. И вот на седьмой день, когда понял, что сил встать и банально дойти до туалета уже нет, а в комнате стоит такой смрадный перегар, что чувствовал даже с бадуна. Я решил, что пора заканчивать, ибо сдохну. При этом присутствовали холодный пот, блевота и адская диарея при похмелье. Еще были слуховые галлюцинации. Отчетливо слышал звонок своего мобильного, хотя тот уже несколько дней был выключен. Но самое интересное было впереди. Поняв, что пора выходить, я не нашел ничего лучшего, как выпить три таблетки фена. Так и сделал, но состояние не улучшилось. Решил сняться привычным способом – двухсотграммовый стакан вискаря. Прилег на кровать и видел, как меня реально жрали крокодилы, разрывали на куски. Страх был жуткий, пролежал всю ночь с открытыми глазами. Вот так»

Натка едва успела открыть дверь, как почувствовала сильный пинок пониже спины, который буквально выбросил её на лестничную площадку, где она и упала ничком, едва успев выставить вперёд руки. Хватит с неё однажды уже сломанного носа.

– Вали отсюда! – рявкнули сзади, и прежде чем громкий стук захлопнувшейся двери поставил точку в этом, по сути, рядовом эпизоде её жизни, донеслось ещё, – Шлюха!

Ну да, ну да, чудная мужская логика в действии – не дала, значит – шлюха. Хотя почему не дала-то? Как раз ему и дала, причём не раз. Помнить бы ещё точно. Не дала тому, другому, что припёр подгон. Видимо предвкушая, как сейчас его за этот подгон отблагодарят по полной программе. Но только если бухать собирались все, почему благодарность ожидалась только от неё?

Да, с одной стороны не убыло бы, конечно, особенно если успеть догнаться. Но должна же быть хоть какая-то справедливость!

Справедливости не было. Поднявшись на ноги, колени которых остро ныли от удара о цементный пол (здравствуйте, новые синяки) Натка поняла, что её сумочка осталась в квартире. Постучать? Богатый опыт говорил, что этим она скорее всего добьётся только повторного пинка под зад, на этот раз отправляющего её уже вниз по лестнице. Вот если подождать с полчаса, пока мужики раскупят принесённый охочим до благодарностей гостем подгон, пока выпьют, закусят, погутарят и как следствие – немного подберут...

Но и здесь тот же опыт подсказал, что сумочку за спасибо никто возвращать не станет. А как же! Ведь она два дня... или три? Не важно. Короче она долго зависала на этой хате: пила, ела, курила, пользовалась туалетом и ванной комнатой, спала на продавленном диване и даже слушала фоном цветной телевизор! Это сколько же раз и скольким мужикам надо дать, чтобы отблагодарить? Ответ прост – столько, сколько они захотят, фиксированного прайса тут нет. Вот и выходит, что хрен бы с ней, с сумочкой.

Натка мучительно наморщила лоб (хмель из неё стремительно выветривался, и неумолимо подступающее похмелье мешало соображать пытаясь вспомнить – а что у неё там оставалось? Немного косметики, салфетки, блокнот с ручкой, дешёвые перчатки... Всего этого и не жалко, если подумать. Косметика старая, там тушь уже высохла почти, помада ложилась комками, пудра раскрошилась в пыль, от карандаша для бровей остался один огрызок. Да и положила руку на сердце – зачем ей косметика? Какой с неё прок? Разве можно чем-то скрыть эту синюшность опухшего лица, эти мешки под глазами, и перебитый, чуть свёрнутый набор, нос? И первые морщины? И обветренные, в болячках губы? И унылые сосульки волос? Почему, блин, в запое волосы всегда сосулками, даже если их только что помоешь? Ведь она мыла голову на этой хате!

А когда она последний раз их красила? Корни вылезли даже не на несколько сантиметров – до ушей! Золотистые. Раньше она гордилась своей оригинальностью. Когда подружки и одноклассницы осветлялись, мелировались, блондинились всеми доступными способами, Натка под их истошный вой закрашивала свои натуральные (натуральнее некуда!) пшеничные пряди иссиня-чёрной краской. Потом время подростковых бунтов осталось позади, но она продолжала ходить жгучей брюнеткой. Отчасти по привычке, отчасти потому что уже тогда куча денег уходила на загулы, а на хорошую парикмахерскую, где могли бы ей сделать смывку и вернуть родной цвет шевелюры, их уже не было.

Натка заковыляла к лифту, но в последний момент передумала и свернула к лестнице.

Похмелье было уже совсем рядом. Ещё чуть-чуть и начнутся жуткие шугняки, а замкнутое гудящее пространство лифта – верный способ их побыстрее словить.

Хата, из которой её только что в прямом смысле слова выпнули, была высоко. Натка не знала точно на каком этаже, но высоко. Это она видела с балкона, где они курили все два или три дня. Курили и бросали вниз окурки, которые красиво разбивались об асфальт гроздьями искр. Снизу орали соседи, Володька ржал. Его звали Володькой – хозяина хаты, который привёл Натку к себе с холодной улицы.

Ей показалось, что спускалась она вниз по лестнице очень долго. Так долго, что похмелье всё-таки настигло её и, пока ещё слабое, начало путать мысли, приплетать к ним посторонние голоса, искривлять пространство. Улица встретила холодным порывом ветра. Снег, колючий, как стекловата, полетел в лицо, и на минутку голова Натки прояснилась. Удалось даже понять, что на дворе уже вечер. Что ещё чуть-чуть и начнут сгущаться ранние октябрьские сумерки.

Она нерешительно остановилась, придерживая рукой дверь подъезда, не давая ей захлопнуться, отрезая путь назад, куда ещё, наверное, можно было вернуться.

Вернуться, постучать в дверь, смиренно попросить прощения, признать свою неправоту. Сказать, что согласна по возможности компенсировать потраченные на неё нервы и бухло. Мужики скорее всего уже накатили по первой, а то и по второй, и чуть подобрели. Могут пустить переночевать, а главное – плеснуть в стакан спасительного пойла, отогнать от Натки уже очень близкое похмелье. Страшное нечеловеческое похмелье запойного алкоголика, о котором понятия не имеют так называемые умеренно пьющие люди.

Тяжёлая дверь давила на руку, тянулась к косяку, норвила закрыться, отрезая Натке возможность возвращения. Впереди лежал слякотный пустой двор, а за ним – такой же слякотный город – огромный и равнодушный, на который с запада уже напознала ночь. Но разве позади лучше? Захламленная квартира с разваливающейся мебелью, с навечно въевшимся в стены

тяжким алкогольным и сигаретным духом, поддатые приставучие мужики, их потные ладони и слюнявые рты... от пьяного траха, конечно, не умирают, да и вообще секс – это всего лишь секс. Физиологическое действие, не имеющее глубинного смысла, который так любят придавать ему люди, которые живут настолько скучно, что готовы видеть нечто сакральное в трении двух человеческих тел. Просто ёрзанье и пыхтение. Бывает приятно, бывает противно, но при грамотном подходе не несёт никаких последствий. Как говорится – не убудет, можно и потерпеть.

Поэтому не страх предстоящей расплаты за ночлег заставил Натку всё-таки отпустить дверь, и втянув голову в плечи, шагнуть под мокрый снег. Её толкнуло прочь воспоминание об унижительном пинке, которым её выпроводил из своей засранной халупы Володька. Тот самый Володька, что ночью, когда они сидели, обнявшись в пьяном дурмане, шептал, что влюбился, что никуда её больше не отпустит, что они бросят пить и заживут новой жизнью, настоящей жизнью, счастливой жизнью трезвых и здоровых людей. Кажется, даже мечтал о том, какие у них будут красивые дети и как он крепко-накрепко накажет им никогда не брать в рот спиртного. Добрались его планы до внуков или уже нет, Натка уже не помнила, но помнила зато, как резко и неузнаваемо переменялся он, когда на порог ступил тот, второй мужик.

Они ведь сами его позвали – у Володьки кончились деньги, и тогда, страшась похмелья, (нечеловеческого похмелья запойных алкоголиков) они начали думать где достать ещё. Володька придумал, позвонил куда-то, и через полчаса на пороге возник этот мудака с масляными глазками, которые сразу приклеились к Наткиной груди. И Володька предал её, предал свои ночные мечты о их новой трезвой жизни полной любви и красивых детей. Не то чтобы Натка ему поверила, она не впервые слышала такие вот пьяные мужские признания, но почему-то каждый раз чувствовала себя обманутой. И уже никогда не возвращалась туда, где её обманули. Вряд ли это можно было назвать гордостью. Какая может быть гордость у гуляющей уличной девки? Однако что-то, какой-то крошечный, но алмазно-твёрдый стерженёк внутри неё ещё оставался, и именно он сейчас погнался Натку в сгущающиеся сумерки, не дав вернуться в единственное место, где она сегодня могла бы переночевать в тепле.

Нетвёрдо, но торопливо шагая по лужам, пытаясь убежать от неумолимо надвигающегося похмелья, Натка пыталась вспомнить, как они с Володькой ехали сюда с вокзала, в суете которого познакомились, на каком автобусе, сколько времени? Сможет ли она вернуться туда пешком? И в какую сторону нужно идти? Если бы спросить у кого, но двор, как назло, абсолютно пуст, мокрый снег разогнал даже детей и обычно сидящих на лавочках пенсионерок.

Натка свернула в арку ведущую со двора на улицу и здесь в последний раз заколебалась. Когда она только покинула подъезд злая и разгорячённая, в одежде ещё хранящей квартирное тепло, то почти не почувствовала холода, но в узком арочном пространстве ей навстречу потянуло такой промозглостью вперемешку с мокрым снегом, что она остановилась будто налетев на стену. Остановилась, и только сейчас увидела, что изо рта у неё вырывается пар.

Стало быть, пока они с Володькой, затарившись беленькой, два или три дня не совали носа на улицу, столбик термометра упал ниже нуля. Начиналась зима. А зима, здесь, в Сибири, не шутит с людьми, оказавшимися к ночи без крыши над головой.

Натка обхватила себя руками за худые плечи. Перчатки! Перчатки остались в сумке, сумка осталась в Володькиной хате, хата осталась в нескольких подъездах позади... но на самом деле гораздо дальше – в прошлом. Это прошлое она уже отрезала от себя, приняв решение не возвращаться. А свои решения Натка меняла редко, пусть такая черта характера и была нетипичной для человека, пребывающего на второй, а может быть уже и на третьей стадии алкоголизма. Так или иначе – о перчатках можно забыть. Беда только в том, что и со всем остальным дела обстояли не лучше.

Куртка – тонкая, осенняя, затёртая местами чуть ли не до состояния прозрачности. Под курткой свитер с высоким горлом, что обнадеживает уже чуть больше, но не настолько, чтобы не беспокоиться о предстоящей ночи. Джинсы... ну джинсы и есть джинсы, какое с них тепло?

Ботинки – это вообще песня! Каши ещё не просят, но промокают при одном виде луж. Впрочем, сегодня лужи покрылись тонкой коркой льда, припорошённого снегом, но стоит ли этому радоваться? Шапка – её нет. Есть только волосы сосульками – золотистые от корней до ушей, и чёрные от ушей до лопаток.

В арку с улицы свернул мужчина. Втянув голову в плечи, и сунув руки в карманы, он наверняка спешил домой, торопился укрыться от наступающей ночи в уютном квартирном тепле. Обычно Натка не завидовала таким счастливицам – зависть не несла в себе ничего кроме боли, поэтому и испытывать её не имело смысла. Но сейчас стало обидно. Не завидно, а именно обидно, потому что она не могла вспомнить, когда последний раз ей хотелось куда-то спешить. И не то желая мстительно задержать прохожего-торопыгу на холоде хоть на пару лишних секунд, не то пытаясь таким образом на миг приобщиться к его сытой домашней жизни, Натка шагнула вперёд.

– Извините...

Мужчина неловко затоптался перед вдруг возникшим препятствием в виде худой расрёпанной девицы, прищурился, всматриваясь в её лицо... и почти сразу брезгливо отступил на полшага. Натка не обиделась, она уже привыкла к такой реакции посторонних людей. Трезвых людей, порядочных людей. Как же ещё им было на неё – такую – реагировать?

– Извините, – смиренно повторила она, стараясь ненароком не дохнуть в сторону мужчины, – Вы не подскажете как пройти на вокзал?

– На вокзал? – отвращение сквозило в голосе прохожего, – На вокзал ехать надо. Остановка...

– Мне пешком только, – перебила Натка, и опустила голову, чтобы больше не видеть лица прохожего, на котором всё отчётливее проступало раздражение. Полупьяная неряшливая девка, у которой нет денег даже на автобус, была явно не тем, на что ему хотелось тратить своё время.

– Пешком вон туда! – он небрежно махнул рукой вдоль улицы, – А там спросишь.

Натка смотрела вслед торопящемуся мужчине, пока он не скрылся в ближайшем подъезде. Куда «туда» она не поняла, но решила пока пойти наугад, просто чтобы двигаться, чтобы греться, и чтобы не дать похмелью, которое уже дышало в спину, догнать себя. Сейчас хотя бы так не дать. А уже потом, когда она доберётся до вокзала, до тепла, до привычной и почти милой сердцу среды, тогда сможет подумать и о более действенных методах. На вокзале могут быть знакомые, могут быть незнакомые, но такие же как она – свои, те, кто не будет брезгливо смотреть и торопиться уйти, те, кто поймёт её состояние. Свои сумеют помочь, пригласить, угостить, налить... и неважно кем они будут, загулявшей ли компанией, или бездомными завсегдатаями вокзального быта.

Натка зашагала по тротуару, спрятав руки под мышки. Прохожих было мало, и шли они в основном по другой стороне улицы, той, где призывно светились витринами магазины, но Натка не спешила переходить дорогу. Ей вдруг подумалось, что она вспоминает, как они с Володькой проезжали здесь на автобусе. Кажется, она видела в окне вон то угловое здание с потрескавшейся облицовкой... а значит, автобус мог вывернуть из-за него, и вокзал где-то в той же стороне. Есть ориентир!

Темнота окончательно опустилась на город, когда убегающая от похмелья Натка оставила позади несколько кварталов. Семь вёрст – не крюк для бешеной собаки. А снег всё шёл, точнее летел, несомый ветром – теперь это была уже почти выюга, но, как ни странно, холод не донимал. Грела ли Натку быстрая ходьба, или на самом деле было не так и морозно, как показалось ей в Володькином дворе, но зябли только голые руки, да ступни в расклеивающихся ботинках. Бывало хуже. Намного, намного хуже.

Прохожий вывернул навстречу из снежной круговерти так неожиданно, что Натка почти налетела на него... на неё. Пожилая женщина испуганно отшатнулась, но успокоилась, увидев перед собой девушку – благо, было уже слишком темно, чтобы разглядеть неприглядные детали Наткиной внешности.

– Извините, – Натка решила воспользоваться случаем, – Не подскажите, как дойти до вокзала? Пешком.

– Пешком далеко... – начала было женщина, но осеклась и продолжила уже по делу, – Всё прямо идите пока. Улица кончится, там храм будет, мимо не пройдёте. И после храма сворачивайте направо и вперёд. Вам через весь центр нужно будет пройти, там и спросите куда дальше, я сейчас не объясню.

– Спасибо, – пробормотала Натка, чувствуя, как похмелье неумолимо приближается к ней со спины, и не глядя вслед уходящей женщине. Через весь центр! При хорошем раскладе удалось бы добраться только к середине ночи, а то и к утру, но сейчас, учитывая усиливающуюся метель и её состояние, что вот-вот перейдёт в нестояние, получится ли дойти вообще?

Альтернативы не было, и Натка побрела дальше. Теперь уже именно побрела, а не пошла быстрым шагом, как до встречи с подсказавшей дорогу женщиной. Какой смысл торопиться, если торопиться некуда? Гудящий вокзал с его круглосуточной суетой, светом и теплом, отодвинулся на неопределённое расстояние, на неопределённое время, и оказался сейчас так же далёк и нереален, как какой-нибудь Лас-Вегас сулящий баснословные выигрыши.

А ещё быстрой ходьбе мешала метель. Теперь это была уже именно метель, пурга, несущая в лицо колкую снежную пыль, мешающая смотреть вперёд, и затрудняющая движение. Опустив голову так, что подбородок почти упирался в грудь, Натка одну за другой переставляла ноги, сосредоточившись на этих простых движениях, и стараясь не чувствовать усиливающейся тяжести в голове – первой предвестницы похмельных мук. А муки эти, учитывая, что пила она почти три недели подряд каждый день, пусть и не всегда до отключки, обещали быть суровыми. Кто-то мог бы сказать – не привыкать, но к некоторым вещам нельзя привыкнуть. Например, к зубной боли. Или к холоду, от которого негде укрыться. Или к похмелью запойного алкоголика, что длится не один день, как думают счастливики с ним незнакомые, а сутки, и сутки, и сутки... Бесконечные выматывающие дни и ночи, проведённые почти без сна, в луже собственного вонючего пота, с красными глазами и трясущейся душой.

Про душу – это не просто слова. Физические страдания ничто по сравнению с терзаниями разума и духа, с чувством вины, с наваливающейся депрессией, со страхом, который, кажется, становится твоим вторым я, который превращает тебя в ту самую тварь дрожащую, что так же далека от человека, как какой-нибудь слизень или мокрица. Боишься всего: звуков, вещей, стен, света, темноты, про людей и говорить нечего – их лучше в такие моменты вообще не видеть – каждый превращается в потенциального насильника, убийцу, в того, кто сейчас потащит тебя в ментовку, или просто вдруг начнёт ругаться. Исключение – по-настоящему близкие люди, которым доверяешь, которых любишь... но где таких взять? От алкашей в конечном итоге отворачиваются все, кроме таких же алкашей. Да и те остаются рядом не по дружбе, а потому, что вместе легче искать и доставать...

Душа у Натки ещё не болела, ведь то положение, в котором она сейчас оказалась – на улице в метель, без копейки денег в кармане, без места, где можно переночевать – оно выглядит концом света для обычного, избалованного сытостью и теплом обывателя, но не для такой, как она, прошедшей огонь, воду, и горящие трубы. Для неё это – повседневные трудности, с которыми обычно худо-бедно, но получается справляться. Получится и на этот раз, вот только нужно отогнать похмелье. Абстыагу, как говорят алкаши со стажем – абстинентный синдром, состояние, когда отравленный, оглушённый алкоголем организм пытается начать самоочищение. Ему, организму, это нужно чтобы выжить, но вот какво приходится человеку прижато абстыагой – отдельная песня. Абстыагу, а вместе с ней и выход из запоя на сухую, то есть, опять же

придерживаясь алкашеского сленга – без опохмела, реально пережить только строго придерживаясь постельного режима, но никак не болтаясь по улице метельными ночами. А значит, абстязги нельзя допустить ни под каким видом!

Натка остановилась, приложила ладони козырьком ко лбу, защищаясь от летящего снега, и посмотрела куда привели её ноги за то время, что она брела, не поднимая головы. Оказалось, что ноги совсем разленились, и прошли от силы полквартила по всё той же улице, где с одной стороны тянулись жилые дома, а с другой, по которой она плелась – длинный забор с тёмной массой деревьев за ним. Деревья гнулись и стонали под ветром – вьюга усиливалась.

Натка подумала было перейти через дорогу, поближе к уютному свету окон пятиэтажек, к людям, к теплу их жилья, пусть даже для неё недоступному, но замерла, глядя вперёд. Там, в перспективе, куда серой лентой уходил бетонный забор, она смутно различила на фоне тёмного неба силуэты куполов. Что там говорила прохожая, подсказавшая дорогу? Повернуть после храма и идти через центр? Что ж, даже если до вокзала сегодня дойти не удастся, то вот в центр города попасть будет не лишним! В центре есть круглосуточные магазины, в которых, согласно закону, ночью не торгуют спиртным, но на самом деле договориться можно всегда. Нет денег? Кого это останавливало? Ну, наверняка кого-то и останавливало, но только не запойного алкоголика, по пятам за которым ползёт, настигая, заранее распахивая воняющую рвотными массами пасть, безжалостная абстязга.

Натка через силу ускорила шаг. Ещё не поздно, город ещё не спит, люди ещё спуют по улицам, люди ходят в магазины, в том числе мужчины, многие из которых отправляются туда за алкоголем. Пиво, вино, водка, коньяк, мало ли что и кому может понадобиться поздним вечером, когда так уютно дома перед телевизором, когда вся ночь впереди? Вот этим-то людям и может пригодиться Натка. Женская компания ценилась мужчинами во все времена. А женская компания с возможностью более близкого знакомства – особенно. Мужчины всегда надеются на более близкое знакомство, они надеются на это даже тогда, когда, казалось бы, ничто не предвещает, ну а тут по их мнению – сам бог велел! Поддатая девица, которая ночной порой принимает приглашение в гости, и не имеет ничего против обильных возлияний – это ж, считай, автоматом согласие на всё остальное!

Поэтому Натка и старалась идти быстрее, невзирая на жалящий лицо снежный ветер, почти уверенная в том, что эту ночь она проведёт под крышей, скорее всего сытая, а главное – снова пьяная. Сегодня абстязга до неё не доберётся, а уж чем за это придётся заплатить – не важно. И не впервой. Главное к тому моменту успеть побольше накатить, тогда становится уже всё равно, тогда хмельной и весёлой душе будет не важно, что там происходит с грешным телом.

Только почти поравнявшись с храмом, смутной и неприступной громадой высящейся в метельной круговерти, Натка поняла, что именно находилось за бетонным забором, вдоль которого она шагала всё это время. Кладбище. Старое заросшее городское кладбище. Не то, чтобы Натку это как-то обеспокоило, покойников она не боялась – обычные покойники тихи и безобидны, никакого вреда от них нет и быть не может. Другое дело – мертвецы, что иногда приходят вместе с абстязгой, день на второй-третий выхода из запоя на сухую. Приходят сначала во сне, точнее в том тяжёлом и бредовом состоянии, заменяющем алкоголикам сон, потом постепенно начинают выбираться в реальность. Думаете, белочка? Назвать, конечно, можно по-разному, но Натка была уверена, что вещи, которые она и другие запойные видят в моменты своих самых страшных отходняков – не менее реальны, чем они сами...

Нет, прочь! Вспоминать об ужасах абстязги тогда, когда эта самая абстязга вот-вот тебя настигнет – всё равно, что призывать Дьявола. И у кладбища лучше не задерживаться. Покойники хоть и безобидные, но их молчаливое присутствие навевает не самые радужные мысли, ведь от алкоголика до покойника зачастую – один неверный шаг...

Натка устремила к храму, к его белоснежной – белее пуржащей метели, громаде, к почти неразличимым в вышине золотым куполам. Неловко двинула замёрзшей рукой – перекрестилась. Не то чтобы она была верующей, крестик носила когда-то, сначала золотой, который позже пропила, потом серебряный, который потеряла. Потом уже никакой не носила, не до того стало. Да и если поглядеть на всю её дурацкую несчастливую жизнь, начиная с детства – никогда крестики ей не помогали. Болтались на шее пустыми глупыми безделушками. Но привычка креститься, проходя мимо храма или церкви никуда не делась, так же, как привычка плевать через плечо, споткнувшись левой ногой, или встретив чёрную кошку.

Кладбище осталось за спиной, храм тоже отодвинулся назад и готовился раствориться в метели, когда Натка ступила на безлюдный перекрёсток, изредка освещаемый жёлтым светом фар проносящихся автомобилей. Остановилась и нахмурила лоб. После храма повернуть... повернуть направо? Или налево? Как сказала прохожая? Абстятга была уже не просто рядом, а здесь, с нею, стояла за спиной, и её дыхание туманило Натке голову, шумело фоном в ушах, путало мысли и стирало воспоминания. Налево или направо?

Оглушительный гудок ворвался в уши, заставив дёрнуться всем телом. Мимо, на расстоянии вытянутой руки пронеслось длинное металлическое тело, обдав Натку яростным жаром, ей даже показалось, что она услышала забористый мат водителя в салоне. И отступила торопливо, поняв, что незаметно для себя шагнула на проезжую часть.

Отступила влево. Туда и направилась, заметив впереди, в снежной круговерти скопление ярких огней, и решив, что наверняка это и есть верный путь к центру города.

Глава 2

«Ночь – это очень страшно, если свет не выключить – не уснешь, если выключить – посреди ночи можно проснуться и испугаться очень сильно – то мне что-то вместо люстры мерещилось, что она близко-близко и вообще она – какое-то животное, то казалось, что в квартире ещё кто-то есть кроме меня... То краем глаза ловишь какое-то движение... Можно оставлять телевизор включенным, но тогда тоже бывает сложно уснуть. Глюки от алкахи, оказывается, могут быть не хуже чем от наркоты»

Движение – жизнь. Ох, как мудр был тот, кто первым изрёк эту истину! А ещё он наверняка был не понаслышке знаком с похмельем. Точнее с самым началом его. Когда хмель ещё бродит в крови, но уже в катастрофически малых количествах, недостаточных для того, чтобы поддерживать самочувствие на необходимом для нормальной жизнедеятельности уровне. И вроде пока нет головной боли, не подступает тошнота, не трясутся жалко конечности, но тебе беспокойно, тебе нехорошо, тебе страшно, и ты мечешься в предчувствии грядущего ада на земле. Вот тогда и нужно двигаться. Алкоголики в таком состоянии нарезают круги по квартире, даже если совсем нет сил, всё равно ползут, держась руками за стены. Ползут они и на улицу, зачастую в надежде добыть спасительный опохмел, но зная, что даже если добыть не удастся – движение всё равно принесёт им какую-то долю облегчения. Движение – жизнь.

Вот и Натка получила пусть не облегчение, но краткое забвение, пока брела сквозь метель, автоматически двигая ногами, наклонив голову против ветра, и сунув замерзающие руки в карманы куртёшки. Шаг, шаг. шаг... Стелется под ноги тротуар, уже покрывшийся слоем снега. Снег не лежит на месте, он перемещается, летит позёмкой, сквозь него проступает тёмный асфальт, образует движущиеся узоры. Если смотреть на них сквозь прикрытые ресницы, то можно различить смутные очертания знакомых и незнакомых лиц. Лица двигают бровями, открывают рты, словно хотят сказать что-то, игриво подмигивают...

Натка резко остановилась, вдруг поняв, что это уже не просто игра снега, ветра, и её воображения, что это уже почти сон наяву, а точнее – полубред, рождённый отравленным мозгом. Не галлюцинации – предвестники белой горячки, ещё нет, для этого рано, но уже и не совсем реальность. Она зажмурила глаза, постояла, покачиваясь, давая себе время на окончательное пробуждение, и медленно подняла голову.

Огни, которые она увидела у храма и на свет которых пошла, теперь были вокруг неё. Но они не походили на уютное свечение жилых кварталов. Синие, холодные, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга... не уличные фонари, и не окна домов – прожекторы.

Натка снова зашагала вперёд, на этот раз медленно, неуверенно, болезненно шуря глаза в метельную пелену. Справа от неё тянулись бесконечные гаражи, слева – забор из сетки-рабицы. За забором кусты. За кустами громоздкие очертания не то цехов, не то ангаров...

Вот оно что – она забрела в промзону! В промзону, а не в центр города! Выходит, поворачивать нужно было всё-таки направо! Но она, чьи мозги уже всюю полоскала подступившая вплотную абстегая, свернула налево, и одному богу известно сколько успела пройти в своём полусонном гипнотическом состоянии, насколько удалилась от цели!

Натка беспомощно закрутилась на месте, оглядываясь по сторонам, словно надеясь на ошибку, но нет – тёмные цеха не спешили превращаться в жилые дома, а синие прожекторы на их крышах – в оранжевые уличные фонари. И вокруг насколько хватало глаз – не было ни души.

Ей захотелось сесть. Просто сесть, беспомощно опуститься на заметённый снегом асфальт, спрятать лицо в ладонях, и ничего больше не видеть. Ни о чём не думать. А главное –

никуда не идти. Было бы сейчас лето, она бы так и сделала. Даже не села, а легла бы на землю, правда чуть подальше, вон там например, между гаражей, где её никто не увидит и не потревожит. Там можно было бы отдохнуть, а то и поспать час-полтора, дёрганным похмельным сном, но даже такой сон дал бы ей необходимый отдых, достаточный для того, чтобы продолжить путь.

В голове вдруг запрыгали, кривляясь, неизвестно откуда запомнившиеся строчки:

Хорошо алкоголиком быть,
Как кораблик по улице плыть,
И приятно подумать о том,
Что под каждым забором твой дом.

Смех смехом, но ведь действительно хорошо! Не алкоголиком быть, конечно, а иметь возможность прилечь под каждым забором. Да только сейчас не лето, сейчас, где приляжешь, там и вскочишь. Правильно ей говорил один бомж – на зиму нужно валить на юга! Он так и делал каждый год. Это был бомж путешественник. Зимой проводил в приморских городках, в Адыгее, на Кубани, лето по настроению то в Москве, то в Питере, то как в этот раз, когда судьба столкнула их с Наткой, занесло его в Новосибирск. Бомж – странник, бомж – поэт! Он читал Натке свои стихи, и она даже плакала. Пьяная была, разумеется, но стихи и правда ей нравились. Тому бомжу повезло, он мало пил. Ну как мало – не каждый день, и не до поросычьего визга. А главное – он умел не похмеляться, просто не пить на следующий день, как бы плохо не было, на одном честном слове! Поэтому и держался на подработках, в отличии от других, и мог скопить денег, чтобы позволить себе менять города и области. А о каких путешествиях может идти речь, когда вся жизнь – бесконечный бег от абстязги? Тут всех путешествий – от магазина до какого-нибудь закутка, и обратно.

Ветер с неожиданной яростью швырнул в лицо Натке целую пригоршню снега, словно дал насмешливую пощёчину. Она приняла её покорно и безропотно – чай это не первая и наверняка не последняя оплеуха в её жалкой жизни. Причём вполне заслуженная. Надо же было так затупить – не просто свернуть в противоположную от нужной сторону (это ладно, это бывает) но ещё и отмахать в ложном направлении немалое расстояние!

Натка, прищурившись, посмотрела туда, откуда пришла, но не разглядела ничего кроме тонущей в снежной пелене дороги. Неужели придётся идти назад?

– Нет, бля, оставайся здесь жить! – громко сказала она, пытаясь подстегнуть себя нарочитой грубостью, стряхнуть сонное оцепенение, – Есть другие варианты?

Других вариантов не было, только возвращаться к перекрёстку у храма, и начинать всё сначала – искать путь в центр города, а уже там – круглосуточные магазины и тех, кто может оказаться возле этих магазинов.

Натка сделала шаг, но он дался ей с таким трудом, что она снова остановилась, покачиваясь, и уронив руки вдоль тела. Похмелье всё-таки настигло свою жертву, ноги стали ватными и дрожащими как желе, голова налилась тяжестью, во рту пересохло. Пересохло так, что она высунула язык, пытаясь поймать на него несущиеся по воздуху снежинки, но это только усилило жажду. Она три раза глубоко вздохнула и заставила себя сдвинуться с места.

Теперь движение не принесло ни забвения, ни облегчения, только усталость, не имеющую ничего общего с обычной приятной усталостью после долгой ходьбы. Абстязга повисла на худых Наткиных плечах и давила её к асфальту, с каждым шагом прибавляя в весе, а знание о том, что это только начало, самые-самые первые и слабые предвестники грядущего ада, вгоняло Натку в первобытный ужас. Она больше не смотрела на игру позёмки под ногами, ходьба не погрузила её в подобие транса, и может быть поэтому Натка начала замерзать. Сначала окоченели руки, их больше не могли защитить карманы тонкой осенней курточки. Их

примеру последовали и ступни, которые нещадно заломило от холода в дырявеньких ботинках. Голени, бёдра, голова, уши, плечи, и наконец, спина – всё быстро остывало под безжалостными порывами ветра, теряло тепло, накопленное в Володькиной квартире за несколько дней сытого кумара, мертвело. Натка пробовала прибавить шаг, но не могла сказать преуспела ли в этом – все ориентиры терялись в метельной круговерти. Единственное, что хорошо различалось – прожекторы промзоны, которые она так неудачно приняла за городские огни, и которые теперь медленно ползли мимо, говоря о том, что она всё-таки движается.

Жажда усиливалась вместе с холодом, жажда – верная спутница похмелья, и она не похожа на ту обычную жажду, которую испытывают здоровые люди. Эта – сродни ломки, её невозможно терпеть. Натка терпеть пыталась, не желая терять драгоценное время, но надолго её не хватило. Не замедляя шага, она свернула в сторону, к обочине дороги, и шла пока под ногами вместо асфальта не оказалась припорошённая свежевывпавшим снегом трава. Там упала на колени, начала скрюченными от холода пальцами собирать этот снег в горсти, и толкать в рот.

Кто когда-нибудь пытался пить снег, тот знает, что утолить жажду таким образом весьма проблематично. Снег во рту хоть и превращается в воду почти моментально, но даёт ничтожно малое её количество. Малого количества Натке сейчас болезненно не хватало, и она ползала на коленях, которые окончательно задубели от соприкосновения с ледяной землёй, собирая и собирая снег с ломкой травы, жадно хватая его посиневшими губами...

А когда жажда, наконец, немного отступила, и Натка попыталась встать, у неё закружилась голова. Закружилась так сильно, что девушка неловко повалилась ничком, уткнувшись лицом в землю. Онемевшая под метельным ветром кожа почти ничего не почувствовала, зато ослабшему телу стало легче в горизонтальном положении, и оно не захотело подниматься.

Натка, родившаяся и всю жизнь прожившая в Сибири, прекрасно знала, что как бы ты ни устала, но ни в коем случае нельзя ложиться, и даже садиться в снег! Сколько за здешние зимы было таких, и пьяных, и трезвых, кто просто присел отдохнуть «на минуточку». Их минуточки длятся до сих пор. Чтобы избежать подобной участи нужно было встать, встать немедленно, но Натка всё равно откладывала этот тяжёлый момент. Откладывала до тех пор, пока перед глазами снова не поплыли неясные образы, чьи-то фигуры и полужнакомые лица...

– Эй, девах! – раздавшийся сверху окрик заставил её дёрнуться всем телом как под ударом тока – ещё один подарочек абстязги, разновидность шугняка, – Ты живая? Ну-ка...

Чьи-то сильные руки взяли Натку за плечи, приподняли, тряхнули так, что поникшая голова безвольно мотнулась из стороны в сторону.

– Замёрзнешь ведь, дурная! Вставай! Вставай, говорю!

Натка попыталась исполнить приказ незнакомца, но ноги не держали обмякшее тело. После нескольких неудач, она прекратила попытки и хотела попросить, чтобы её оставили в покое, но не сумела сложить окоченевшие губы в слова, издав лишь нечленораздельное мычание.

– Не бойсь, не брошу! – по-своему растолковал это мычание так вовремя появившийся человек, и неожиданно легко подхватил Натку на руки. Она увидела прямо перед собой широкие, просто богатырские плечи, а над ними – растрёпанную бороду, из зарослей которой до неё снова долетел густой голос:

– Потерпи, девах, сейчас в тепло тебя...

Тепло – это хорошо. Это так хорошо, что даже не верится. Наверно правду гласит народная мудрость: Бог бережёт дураков и пьяниц, иначе как объяснить счастливое появление такого вот, не по нынешним временам отзывчивого прохожего?

Ясное звёздное небо качалось над запрокинутой головой, и Натка мельком удивилась тому, как быстро оно успело очиститься, ведь только что валил снег... Неужели она пролежала в снегу гораздо дольше, чем показалось? И как в таком случае не успела замёрзнуть? Но поду-

мать над этим она не успела – небо вдруг исчезло за чем-то угловатым и тёмным, завизжала, открываясь, невидимая ей дверь, вспыхнул яркий свет, и Натка зажмурилась, не в силах на него смотреть.

Она не открывала глаза пока её усаживали на что-то мягкое, пока расстёгивали на ней жалкую куртёшку, от которой сегодня оказалось так мало проку, пока сдёргивали с ног насквозь промёрзшие ботинки вместе с носками.

– Слушай, ты это, – снова загудел рядом низкий мужской голос, – Помогай мне, сможешь? Куртку сними, чтобы тепло скорее к телу добралось. А лучше и остальное сьмай, джинсы там, кофту... Я тебе сейчас одеяло дам и отвернусь, ты в него закутайся.

Неожиданно Натка почувствовала вставший в горле ком. Когда, в какой прошлой жизни мужчина предлагал отвернуться пока она раздеается? И было ли такое? Обычно с ней не церемонились, по мнению большинства она того не заслуживала. Каждый мужик, даже если сам был ничем не лучше, считал, что может позволить себе любую грубость или пошлость только потому, что Натка оказалась с ним наедине. И она так свыклась с этим, что давно уже не ожидала ничего другого.

– Эй, деваха, ты чего? Ты ревёшь что ли? Брось, всё позади, – незнакомец засуетился, всё-таки принялся сам освобождать её от куртки, растирать ладони и ступни, бубнить что-то успокаивающее. И, как ни странно – это действительно успокаивало. Всё ещё шмыгая носом, но уже с живым любопытством, Натка принялась осматриваться сквозь мокрые ресницы.

Они находились в строительном вагончике, в так называемой бытовке, что её нимало не смутило, скорее наоборот – ещё больше расслабило, ведь она оказалась в знакомой, чуть ли не родной обстановке. Сколько таких вагончиков, кандеек, и теплушек она повидала за годы своего бродяжничества! И они были понятны, уютны, и куда более желанны, чем какие-нибудь хоромы, из которых она наверняка поспешила бы удрать, едва отогрелась. Тем более, что этот вагончик выгодно отличался от всех виденных ею ранее чистотой и уютом.

Горела настольная лампа на узком столе, убранном клеёнчатой скатертью. В шкафчике поблёскивала посуда, уютно тикали старинные ходики над сложенным диваном, куда хозяин этого скромного, но обжитого уголка, усадил Натку. Диван тоже не походил на ту мебель, какой обычно обставляют временные жилища – не продавленный, без многочисленных пятен самого разного происхождения – он выглядел бы как новый, не будь на его выступающих частях слегка стёрта обивка. Но больше всего привлекали внимание картины, украшавшие стены вагончика. Натка ничего не понимала в живописи, но то, что это не магазинные постеры, а полотна, написанные, судя по крупным мазкам масляной краски, сообразила сразу. А благодаря стоящему в дальнем конце вагончика мольберту с незаконченной работой, ей стал известен и художник.

– Держи-ка, заворачивайся! – бородач жестом фокусника материализовал рядом с ней голубое ватное одеяло, и тут же, как и было обещано, отвернулся к противоположной стене.

Слабо улыбаясь от умиления и благодарности, Натка начала стаскивать с себя одежду, ещё хранившую снежный запах, радуясь тому, что успела постираться у Володьки и теперь не придётся краснеть за несвежие шмотки. Она осторожно сложила свои вещи на спинке дивана, и натянула до подбородка одеяло, которое, как и всё здесь, оказалось чистым и уютным.

– Укрылась? – бородач убедился, что его забота принята, и тут же снова засуетился, полез в шкафчик, принялся там чем-то брякать и звякать.

А потом случилось чудо. Спаситель повернулся к Натке, и протянул ей кружку до половины наполненную прозрачной жидкостью. Той самой, что была ей сейчас нужна как ничто другое.

– Поправься, – буркнул он, глядя в сторону, – Я же вижу, что тебе худо. Да и для сугреву сейчас в самый раз...

Натка давно уже не чувствовала стыда за свою зависимость, поэтому не стала вежливо отказываться, притворно смущаться, бормотать что-то вроде «обычно я не...». Она просто

выпила то, что ей преподнесли, несколькими жадными глотками, резко, не по-женски запрокинув опустевшую кружку, вытряхивая в рот последние капли.

Горячая лава прокатилась по пищеводу и упала в желудок. Внутри взорвался фейерверк, его огни осветили самые дальние и глубокие уголки тела, возвращая его к жизни, согревая, успокаивая и будоража одновременно. О, желанный глоток огненной воды с похмелья! Только запойные алкоголики способны оценить твою спасительную прелесть и силу! Что сравнится с тобой? Возможно лишь младенец, впервые в жизни испивший материнского молока, может похвастаться той же гаммой эмоций и ощущений! Да и то вряд ли...

Млея от предчувствия грядущего облегчения, Натка откинулась на спинку дивана, на несколько секунд закрыла глаза. А когда открыла, то первое что увидела – грустный и понимающий взгляд бородача.

– Давно? – спросил он, и ей не понадобилось уточнять предмет вопроса.

– Давно, – кивнула она, – Лет с пятнадцати понемногу, а потом... понеслась.

– Сейчас-то тебе сколько?

– Двадцать шесть. Двадцать седьмой...

– Совсем девчонка, – вздохнул незнакомец, и Натка внутренне сжалась, ожидая обычно следующих за таким началом разговора упрёков и расспросов о том, как она докатилась до жизни такой.

Но бородач сказал:

– Я сам лет с шестнадцати. И почти до сорока. Чего только не было... На улице, как ты сегодня, наверное раз десять замерзал, на пятнадцать суток залетал сколько, в трезвяке, в нарке, в психушке побывал. Даже на том свете по-моему... в аду точно.

– После заплыва? – с пониманием спросила Натка, сегодня в очередной раз ускользнувшая от абстязги, и поэтому не боящаяся о ней говорить.

– После него, родимого. Заплыв у меня был, насколько помню... – бородач поднял глаза к потолку, – Месяц точно. Не просыхая. Первые две недели ещё что-то помню, а потом как в тумане. Очнулся дома, вокруг кошмар творится, ну ты сама наверно знаешь? Бомжатник лучше выглядит! Помойка настоящая, пола из-под мусора не видать, воняет как в зверинце, всё разбито, поломано! И я воняю. Лежу, трясусь. Встать, чтобы до магазина дойти сил нет, да и не полезет уже ничего. Да что там – до раковины за водой сползать невмочь! Думал, всё, кончаюсь.

Натка невольно содрогнулась, вспомнив, как это бывает, и её спаситель мрачно кивнул.

– Вот-вот, так и лежу. Пот течёт, из носа течёт, даже из задницы, кажется, течёт. Ливер трясётся, во рту на вкус такая же помойка, как и вокруг, а перед глазами вспышки, пятна, тени...

– Это ночью было? – испуганно перебила Натка.

Бородач снова кивнул.

– То-то и оно. Ночью и без света.

На этот раз Натка не просто содрогнулась, а натянула одеяло до глаз. Ночь – страшное время. И насколько оно бывает страшным никогда не понять человеку ведущему трезвый образ жизни. Даже умеренно пьющему не понять. Ночь – время тёмных сил. Алкоголь тоже принадлежит к этим силам. И когда человек оказывается в плену и того и другого, вот тогда он узнаёт, что всё когда-то виденное им в фильмах ужасов – существует на самом деле. И даже хуже.

– Без света нельзя! – резко сказала Натка, будто её спасителю угрожала опасность, и он нуждался в срочном предупреждении. В другой ситуации это могло бы показаться смешным, но она слишком хорошо знала, что такое абстязга ночью, при выключенном свете. Когда отравленный этанолом, измученный бессонницей, выбитый из всех привычных биоритмов мозг может показать в темноте что угодно. Натка сама видела такое, чего ей не забыть до конца

жизни и не убедить себя, как ни старайся, что это были всего лишь галлюцинации, порождённые острым абстинентным синдромом.

Похоже, бородач тоже видел.

– Я когда только очнулся, на улице ещё светло было, – заговорил он, глядя перед собой застывшим взглядом, обращённым в прошлое, – Ну, сумерки. О том чтобы встать свет зажечь и речи не было, там уже лишь бы на дыхание сил хватило. Лежу, смотрю как темнота наступает. Сначала в углах появляется, потом на середину комнаты ползёт. И тихо-тихо кругом... Я тогда в своём доме жил, на краю села, за одной из стен – пустырь до самого леса, в соседях – старики. И днём тишина всегда, а уж ночью... А тишина, сама знаешь...

Натка знала и это. Нельзя переносить абстягу в тишине. Желательно вообще не оставаться в одиночестве, но мало найдётся желающих выхаживать после запоя воняющего алкаша, который в этот момент и на человека-то не похож. Выручить может телевизор. Телевизор, если тебе повезло, и он у тебя есть, должен быть включен обязательно! Его бубнёж успокаивает, настолько, конечно, насколько это вообще возможно в таком состоянии, но главное – он заглушает другие звуки – те, которые тебе совсем не нужно слышать...

– И вот слышу я, – продолжал бородач, – как меня из коридора между комнатами мама зовёт. Ласково так «Митюша, Митюша!»...

– Вас Дмитрий зовут?

– Не. Митрофан полное имя. Родители у меня верующие, вот и назвали по старинке, в честь прадеда. Можно Митрий.

– Наталия, – она несмело протянула руку, – Через И. Можно Ната.

Новый знакомый пожал её руку очень аккуратно, словно боясь раздавать.

– Наташа, выходит?

Она поморщилась.

– Лучше Натка. Вы знаете... чёрные... ну эти... у них Наташа – это вроде шлюхи, ругательство.

– А тебе-то что до них?

Натка опустила голову. Рассказать Митрию как работала она на рынке у быстроглазого турка Назара, как был он по-своему добр к ней, честно платил зарплату, пусть и маленькую, давал койко-место в почти таком же вагончике, как этот, только несравнимо менее уютном? И как таскал за волосы, ругая последними словами, если она срывалась и пила тайком прямо на рабочем месте? Ругал в том числе и «наташей», крича, что все русские бабы – такие вот «наташа», пьющие и гулящие. Назар и звал её только так, бросая это имя презрительно, как плевок в лицо. А она каждый раз молча утиралась.

Конечно, ничего этого Натка Митрию рассказывать не стала, поспешила перевести разговор на другую тему.

– Вы сказали – родители верующие? Вы не с ними жили?

– То-то и оно, – взгляд Митрия снова стал стеклянным, широкие плечи напряглись, – Они в одном городе, я в другом. И без предупреждения никогда не появлялись, понимаешь? А тут я лежу и слышу, как меня мама зовёт из коридора! И главное – знаю, что это не она на самом деле, а кто-то очень плохой притворяется, выманить меня из комнаты хочет... Отчётливо слышу! Кое-как руки поднял, к ушам прижал, глаза зажмурил, и уговариваю себя, что это всё не настоящее. Не в первый же раз всякое мерещится на отходняке, казалось бы, и привыкнуть можно уже, и не так пугаться, а не получается! Лежу, сжался весь, глаза открыть боюсь – а вдруг оно уже в комнату зашло, у кровати стоит? Потом уснул... хотя не уснул – провалился...

Натка нетерпеливо кивнула. Ей не нужно было объяснять, что это такое – короткие провалы в забытьё в первые день-два выхода из запоя на сухую. Это не сон, о сне нет и речи, и это не обморок, даже обмороки в таком состоянии были бы даром небес – это именно провалы в тёмный омут. И в этом омуте то же ощущение безысходности, та же внутренняя дрожь,

тот же страх, переходящий в дикий ужас, когда из глубин омуты поднимается тебе навстречу чья-то оскаленная морда с горящими глазами, или разлагающийся труп, или кто-то из знакомых людей с перекошенным до неузнаваемости лицом. И ты выныриваешь из омуты, возвращаешься в реальность, молясь про себя всем богам, чтобы видения оттуда не последовали за тобой, что вполне возможно, потому что в тени абстязи грань между этим миром и его страшной изнанкой, стирается до состояния прозрачности.

– В следующий раз очнулся – уже темно. Из коридора больше никто не зовёт, но от этого не легче. Впрочем, если бы и звали, я бы не испугался. Плохо было уже до такого состояния, когда на всё плевать становится. Лежу и сердце своё слушаю, как оно трепыхается в груди. Как пойманная птица. То забьётся, замечется, аж дыхание перехватывает! Но ещё страшнее, когда замрёт. Я тогда из последних сил кулаком себя в грудь бил, не давал ему останавливаться. Ударишь – снова стучит, а перед глазами огненные цветы распускаются... Ты ещё молодая, у тебя такого наверно не было.

Такого не было. Натка помнила свои бесконечные абстязные ночи, и сердце у неё тоже, бывало, колотилось как загнанная птица, но не останавливалось. Пока. Она прекрасно знала, что ещё несколько лет подобного образа жизни – и замолкающее в груди сердцебиение будет у неё не самой острой проблемой на повестке дня...

Словно услышав эту мысль, Митрий вернулся из мира своих жутких воспоминаний, и посмотрел на Натку по-новому – внимательно и строго:

– Что же ты дальше думаешь делать, родная?

Глава 3

«Да. Белку не ловил ни разу. Но при отходнях слышал по ночам шорохи, шаги по квартире, и чужую речь. Измена накрывала просто жуть. Не говоря уже об ужасной противной потливости, то жар, то холод. А постоянная тревога днем, переходящая в тихий ужас, как изматывает!!! Не говоря уже о том, что ни поссать, ни посрать по-человечески не получается. А вспомните потерю координации, тремор рук, мурашки по телу, а звездочки в глазах, а постоянную тошноту, а на несколько ночей бессонницу... Аааааа, я так не хочу! Кстати, действительно неплохо себе об этом периодически напоминать, а то за период своей ремиссии несколько раз хотелось выпить. Спасал сытный обильный обед»

Натка сжалась, ещё плотнее закуталась в одеяло, испытывая желание нырнуть под него с головой. Вот оно! Сейчас будут вопросы о том, что послужило причиной её морального падения, за ними последует показная жалость и предложения помощи. Сколько таких предложений она получала от мужчин? Не сосчитать. Мужчины любят чувствовать себя рыцарями. Сильными, благородными, смелыми. И если с женщинами, у которых в жизни всё хорошо, которые не нуждаются в помощи, и зачастую ни в чём не уступают этим мужчинам, быть таковым непросто, то на фоне Натки рыцарь получался практически из каждого.

Будучи помоложе и поглупее, она на это покупалась, верила в бескорыстную помощь, в слова о новой жизни, но, как правило, ею просто пользовались. Когда очередному мужчине надоело играть в спасителя, вытаскивающего оступившуюся душу из грязи, Натка оказывалась там же, откуда была взята. Но мужчин в этом не винила и никогда не поминала лихом. Во-первых потому, что всё равно была благодарна за то, что они давали ей передышку: приводили к себе домой, отмывали, откармливали, купали что-то из вещей, и просто были рядом, отогревая от одиночества, пусть даже временно. А во-вторых, Наткина доля вины в том, что это не длилось долго, тоже была. И немалая. Да, она со своей стороны искренне хотела всё изменить: устраивалась на работу, втягивалась в быт, даже подумывала о детях, но заканчивалось всё всегда одинаково – срывом и запоем. А уж в запое ей было бесполезно что-то говорить, стыдить, упрашивать, ругать, даже бить. Она уходила из дома всеми правдами и неправдами, сбегала из-под замков, обманывала, юлила, изображала раскаяние, давала лживые обещания, и шла на всевозможные хитрости, до которых трезвый человек никогда бы не додумался. Например, зайти в аптеку под видом того, что нужна какая-то женская мелочь вроде прокладок, а вместо них набрать в карманы фунфыриков – самое простое.

Как гласит народная мудрость – свинья везде грязь найдёт. Насчёт свиней Натка поручиться не могла, но вот то, что алкаш всегда найдёт алкаша, по запаху или с помощью некой недоброй силы, заинтересованной в этом – знала точно. Вообще, среди запойных вряд ли есть закостенелые материалисты. Каждый алкоголик в курсе, что синька от лукавого, и он – лукавый, не желая отпускать жертву из своих сетей, всегда поможет ей достать синьку. Натка слышала десятки таких историй от своих товарищей по несчастью: кто-то находил крупную купюру в луже, кто-то выносил украденную бутылку из магазина на глазах кассиров и охранников, словно вдруг становясь невидимым, кто-то обнаруживал заначку бухла у себя дома, там, где за минуту до этого ничего не было... А уж неожиданно встретить людей, которым можно упасть на хвоста – вообще рядовое событие. Вот Натка и встречала таких везде, где появлялась. А собутыльники – это гарантированный запой.

Рыцари не вышвыривали её сразу, надо отдать им должное. Искали, возвращали, били по сусалам, запирали дома, прятали одежду и обувь, даже похмеляли, если ей удавалось убе-

дить их в том, как жизненно это сейчас необходимо. И опять отмывали, отстирывали, лечили, откармливали, любясь сиянием своих рыцарских лат. Но Натка срывалась в новый запой, и латы ржавели, тускнели, покрываясь грязной коркой, пока, наконец, не разваливались, являя миру растерянного и до равнодушия уставшего мужика. Этот равнодушный мужик и гнал Натку прочь от себя. Гнал, чтобы иметь возможность снова жить спокойно и понятно, без сверкающих доспехов, тяжесть которых оказалась для него непосильной...

И если сегодняшний бородач Митрий тоже окажется всего лишь очередным спасителем заблудших овец, будет очень печально. Но лучше пусть будет печально сейчас, чем позже, когда Натка позволит ему поверить в возможность её спасения. Поэтому на заданный вопрос о том, что она думает делать дальше, она ответила максимально честно:

– Плыть по течению. Куда вынесет – туда и вынесет.

Митрий опустил глаза, но не успел скрыть промелькнувшего в них разочарование.

И Натка уже ощетибилась, ожидая получить в свой адрес порцию привычного презрения, но он лишь вздохнул, сказав:

– Что ж... по течению – это тоже путь.

Какое-то время они молчали, но не скованно, а задумчиво. За эти минуты Натка с удивлением обнаружила, что ей стало хорошо. Ушла тошнотворная слабость, прояснилась голова, и главное – на душе царил почти полный штиль, чего за последние месяцы она не могла припомнить.

Неужели это опустошённая кружка сотворила такое чудо? Чем же её наполнил гостеприимный бородач? Может быть той самой элитной водкой, что стоит по несколько тыщ за бутылку и о целебных свойствах которой ходят легенды среди алкашей? Но откуда бы взяться такой роскоши у человека, живущего в строительном вагончике?

Словно услышав её мысли, Митрий невесело усмехнулся.

– Полегчало?

– Да, спасибо, – поблагодарила Натка и не удержалась от любопытства, – А что это за горилка такая была? Просто эликсир какой-то...

– А пёс её знает. Я сам не пью уж скоро шесть лет, а эту бутылку давно принёс кто-то, я уж и забыл про неё. И вот пригодилась. Ещё хочешь?

Натка торопливо кивнула. Алкаш – он всегда остаётся алкашом, и нет для него такого прекрасного состояния, которое нельзя было бы сделать ещё прекрасней несколькими глотками огненной воды.

– Только после того, как поешь, – заявил Митрий непреклонным тоном, и поднялся, сразу заполнив собой добрую четверть вагончика.

Натка не возражала. Напротив – она вдруг почувствовала, что хочет есть! По-настоящему. А здоровый аппетит был в её жизни таким же редким гостем, как и душевное спокойствие. Она ёрзала на диване от нетерпения пока бородач доставал огромную сковороду из мурлычущего в углу холодильника, и разогревал на маленькой электрической плитке жареную картошку с котлетами.

Они отужинали в тишине, нарушаемой лишь звонким щёлканьем ходиков. И ещё не успев доесть свою порцию, Натка почувствовала, как её мягко тянет в сон. Вопросительно посмотрела на Митрия из-под опухших век, и он не заставил себя просить – вновь наполнил заветную кружку до половины. Строго предупредил:

– Больше не дам.

Натка смиренно кивнула. Выпитого хватит чтобы до завтрашнего утра держать абстягу на безопасном от неё расстоянии. А завтра... завтра будет завтра, и течение, по которому она плывёт уже столько лет, обязательно куда-нибудь да вынесет.

Митрий открыл узкий двухстворчатый шкаф, выудил из него подушку, кинул на диван. Натка наблюдала за ним с интересом, и без тени того беспокойства, которое начала бы испы-

тивать не её месте «порядочная» девушка. Если сейчас бородач разденется и полезет к ней под одеяло – значит, так тому и быть, его гостеприимство заслуживают благодарности. Но всё-таки Натка надеялась, что этого не произойдёт. Не потому что Митрий был ей неприятен или она чего-то боялась – просто будет очень обидно, если этот добродушный здоровяк и романтик, пишущий картины в строительном вагончике, окажется таким же, как все мужики. А его стремление помочь незнакомой девушке – всего лишь способом залезть ей в трусы.

Митрий подошёл к дивану, нагнулся вперёд, и Натка уже набрала в грудь воздуха, чтобы невольно выпустить его в длинном вздохе разочарования, но увидела, что руки бородача тянутся отнюдь не к ней.

– Ты спи здесь, – сказал он, ловко выживая из-за дивана дребезжащую раскладушку, – А я тряхну стариной, вспомню свои бродячие годы. Иногда полезно.

Натка с сомнением переводила взгляд с хлипкой раскладушки на могучую фигуру бородача, и хотела уже предложить поменяться местами, но он поторопился:

– Укладывайся, укладывайся. Завтра подниму в семь. К восьми наши на работу придут, нельзя чтобы тут посторонние были.

– Так ты сторож? – Натка взбила подушку, – Работаешь здесь? Я думала – живёшь.

– И живу, и работаю, – Митрий щёлкнул выключателем, погрузив вагончик в темноту, зашуршал одеждой, раздеваясь, – Удобно, знаешь ли. И на проезде экономия.

– А прописан где-то?

– Прописан в родительском доме, в области. Но там работы совсем нет, старики на пенсию живут, не сидеть же у них на шее.

Раскладушка пронзительно завизжала под весом бородача, но выдержала его. Сквозь маленькие окна вагончика лился синий свет всё тех же прожекторов, что подобно блуждающим огонькам на болоте, заманили Натку в это безлюдное место. Но теперь она об этом совсем не жалела. И теперь уже думала, что предложи ей Митрий свою помощь подобно тем, оставшимся в её прошлом мужчинам-рыцарям, она бы наверное не отказалась задержаться здесь. Тепло, чисто, уютно, немного тесно, но это такая ерунда по сравнению с остальным. А главное – хороший человек рядом. Хороший и непьющий. Но тут и назревает главный вопрос – зачем хорошему и непьющему человеку такая как она? То-то...

– А ты работаешь? – спросил из темноты Митрий и Натка грустно усмехнулась. Её усмешка была услышана и понята.

– Увольняют? Срываешься? Надолго хватает?

– За последний год – две недели самое большее продержалась, – честно призналась она, – Потом наступила на пробку и ту-ту...

– А что делать умеешь?

Натка пожалала плечами под одеялом, хотя Митрий и не мог этого увидеть.

– Да что и все. На кассе могу работать. Уборщицей. Фасовщицей. Машины мыла. На фабрике у конвейера стояла.

– Образование?

На этот раз она не усмехнулась, а рассмеялась вслух.

– Да было бы у меня образование, разве бы я так жила?

– А думаешь нет? – не смутился Митрий, – Знаешь сколько я нашего брата знал с высшим образованием? А то и с двумя! Перед синькой все равны.

– Но есть те, кто ровнее других, – грустно пошутила Натка, – Ерунда. Спиться, когда есть всё для того, чтобы нормально жить... ну там образование, квартира, родные – это нужно быть совсем идиотом. А у меня и выбора-то не было.

– Выбор всегда есть, – возразил Митрий, и лишь намного позже Натка поняла, что он нарочно подначивал её, втягивал в спор, таким образом заставив рассказать о себе. Но это позже, а тогда она завелась не на шутку.

– Есть выбор, да? И какой же у меня был выбор, когда эта дрянь во мне с рождения?! Мать бухала всю дорогу, да и отец от неё не отставал. Я ещё до школы в магазин за водкой для них бегала! Таблицу умножения ещё не знала, а цену на водку да сигареты – наизусть! И сколько сдачи с какой купюры дать должны. А то не дай бог меньше принесу – мать отлупит!

– Кто ж тебе в таком возрасте водку продавал?

– Да у нас в посёлке все друг друга знали! И знали, что если мне не продадут, так мать потом сама придёт и такое там устроит! Или отец... но его не боялись, он тихий был. Выпьет и спит, выпьет и спит... а мать барагозила.

– Бабушек-дедушек не было чтоль?

– Были. Но они отвернулись от нас. Да и умерли рано, я их не помню почти. И отец умер. Мне девять лет было. Мать сразу начала мужиков домой водить, они её поили, а я...

Натка замолчала, прижавшись щекой к подушке, глядя на луч синего прожекторного света, висящий перед ней в воздухе. Митрий тоже молчал, но не в ожидании продолжения рассказа, а неловко, виновато. Потом вздохнул:

– Что ж... понятно.

Натка неожиданно разозлилась. Не на него – на себя. За свою трусость, за желание утаить правду, подменив её домыслом, который невольно должен возникнуть у слушателя после того, что она успела рассказать.

– Да ничего тебе не понятно! Думаешь, мать водила мужиков и меня им за бутылку подкладывала? Ну, она может и подложила бы, да не успела. Меня забрала её старшая сестра, тётя Валя. Добилась, чтобы мать лишили родительских прав, оформила опеку, и увезла к себе. Я тогда как в сказку попала. Из нашей развалюхи – в квартиру с евроремонтom переехала, в большую городскую школу пошла, в бассейн, летом вообще на море с тётей Валей полетели...

Натка почувствовала предательское царапанье в горле и замолчала. Те две недели в Крыму были, наверное, самыми счастливыми в её жизни. Время, когда она уже вырвалась из когтей родительского зелёного змия, но ещё не встретила своего. Солнце, горы, пляжи, шум прибоя, солёный ветер – всё это навсегда осталось в её памяти разноцветным переливающимся калейдоскопом. Больше она никогда не была на море.

– Тётя не пила? – подождав, и не дождавшись продолжения спросил Митрий.

– Да ты что! Она такая вся... Удивительно, что они с матерью вообще были сёстрами, со стороны никто бы не подумал. Стройная, красивая, на фитнес ходила, на йогу, по-английски, как по-русски шпарила, работа у неё хорошая была, постоянно командировки, то в Москву, то за границу... вот во время её командировок я и начала куролесить.

– Друзья?

– Да какие они друзья... хотя тогда думала, что да – друзья! Я симпатичная была, и ко мне лет с четырнадцати парни начали клеиться почти взрослые, на несколько лет старше меня. В крутую тусовку приняли, ну и мне не хотелось среди них лохушкой выглядеть. Хорохорилась по-всякому, и пить, и курить начала, и... в общем ясно. Хотела быть популярной. Стала.

– А тётя что?

– Тётя... мы ругались, конечно. Она пыталась меня запирать, телефон отбирала, хахалей моих гоняла, но её же часто дома не было, а я безбашенная, мне похрен всё! А потом и вовсе стала целыми сутками пропадать, гуляла тогда уже с парнями намного себя старше, которые одни жили. Ну и постоянно тусовки, выпивка, травка... Лет с шестнадцати я дома почти не жила, появлялась только, если ночевать было негде или с очередным парнем ссорилась. А когда мне восемнадцать исполнилось, тётя Валя сказала: «Уходи. Видит бог, я сделала, что могла, но видно родительское из тебя не вытравить». Я тогда разозлилась, наговорила ей всякого... что раз для неё карьера и деньги важнее, то нечего было в моё воспитание лезть, что зря она меня с матерью разлучила... хотя мать за все эти годы ни разу даже навестить нас

не приехала и меня обратно не звала. Тёте обидно конечно было. А я забрала вещи и ушла. Даже радовалась тогда, дура, что вот она – полная свобода!

– И никогда не возвращалась?

– Возвращалась. Потом уже, через два года, когда начала понимать, куда качусь. Думала, если тётя простит и обратно примет хоть на время, то новую жизнь начну, пить брошу, курить, все старые связи оборву.

– Не приняла?

– А её там уже не было. Продала квартиру и уехала в Москву, ей повышение предложили. Адреса новые жильцы не знали, а может быть она не велела говорить... Вот тут я и протрезвела. Поняла, что мосты сожжены.

Натка замолчала, глядя в полумрак вагончика, заново переживая то давнее ощущение потери, запоздалое понимание того, что нет у неё больше тыла, нет дома, из которого пусть её и выгнали, но куда наверняка пустили бы снова, сложились всё иначе. Наверное, это была та самая точка невозврата, откуда и понесло её неуклонно по течению, вниз, вниз...

– А к матери возвращаться не пробовала? – после очередной тяжёлой паузы спросил Митрий.

– Пробовала и туда, – Натка почему-то забыла, что всегда терпеть не могла такие лезущие в душу вопросы, и теперь сама, словно на исповеди, торопилась излить душу бородачу, – Но мать окончательно опустилась, в нашем доме жили какие-то чурки, которые с ней за комнаты бухлом расплачивались. Она меня даже не узнала, пьяная была в зюю. Страшная, старая, грязная... Как ведьма! Я к тому времени уже всякого навиделась, но оттуда убежала без оглядки, так жутко стало! Снова тогда подумала, что надо завязывать, что не хочу как мать!

– Пробовала?

Натка хотела ответить, что пробовала. И это было бы правдой, ведь действительно пыталась, даже кодировалась дважды.

Первый раз, когда один из её рыцарей вызвал домой капельника и тот поставил Натке укол, должный купировать тягу к алкоголю. Хватило эффекта на пять дней, ровно на срок, понадобившийся ей чтобы отойти от последнего заплыва. Да и как потом сказали знающие люди – были такие уколы сплошным надувательством.

Второй раз её уговорили обратиться в клинику девушки с очередной работы. Хорошие попались девушки, Натка считала их подругами, да так оно наверное и было. Они не наслаждались чувством своего превосходства над несчастной алкоголичкой, они искренне хотели помочь, они собрали деньги и отправили Натку в хорошую частную клинику, где с ней беседовал психотерапевт, где у неё взяли анализы, прописали лекарства, и пригласили в группу анонимных алкоголиков. В эту группу ходить ей понравилось. Там были все свои, те, перед кем можно было не стыдиться самых тёмных сторон прошлого, те, кто не осуждал, не смотрел презрительно, и не говорил наитупейшую фразу из всех, которые ей только доводилось слышать: «Да просто не пей и всё!»

В общем, тогда она держалась полгода. Нашла друзей и парня, тоже бывшего алкоголика, с которым познакомилась на очередном собрании группы АА. Они даже сумели снять квартиру, оба работали, планировали пожениться и мечтали о ребёнке. Этот жизненный период Натка бы могла назвать счастливым, не будь в нём некой неистребимой пресности, неотступной скуки, и унылой предсказуемости, которую лучше всего охарактеризовала бы так любимая обывателями фраза «всё как у всех».

– Думала, что бросала, – наконец ответила Натка на повисший в воздухе вопрос Митрия, – Но на самом деле я никогда не хотела бросить насовсем. И наверное не хочу. Мне не нравится уходить в запои, но пить понемногу я бы продолжала. Если бы только не было похмелья...

Митрий вздохнул в темноте.

– Если бы не было похмелья – не было бы и проблемы. Я ведь раньше, как ты думал. Что можно бухать понемногу, по выходным там, или просто вечером перед сном. Но нельзя. Ты или совсем не пьёшь, или пьёшь, пока не сдохнешь. Золотой середины здесь не существует.

– Но ведь другие, – начала Натка, незаметно для себя ошетинаясь, – Именно так и пьют! По праздникам, за компанию, просто по настроению! Значит и...

– Другие – это другие, – мягко перебил её Митрий, – Думаешь, я не искал способ научиться пить умеренно? Искал, да ещё как! Так молодость в поисках и прошла. И твоя пройдёт, если не остановишься. Пойми – не дано нам. Не знаю, что это: особенность организма, карма, гены, судьба или проклятие, но на то мы и алкаши, что останавливаться не умеем! Нужно просто принять этот факт и сделать выбор. Либо ты не пьёшь совсем – никогда и ничего, либо... вот это вот всё.

Натка сжала кулаки под одеялом. Такое она слышала уже не раз. Многие умные и не очень люди, в том числе психотерапевт в той клинике, где она лечилась, говорили ей то же самое. О неизбежности выбора: или – или. И всегда она с неосознанной агрессией пускалась в спор, пытаясь доказать скорее себе, чем кому-либо, будто способна овладеть навыком так называемого культурного питья. Заспорила и сейчас:

– А почему ты думаешь, что я именно из тех, кому не дано? Ты же меня знаешь всего пару часов!

Но Митрий не принял её вызов, вместо этого легко согласился:

– Ну не из тех, так не из тех. Тебе виднее.

Натка, уже приготовившаяся к словесной перепалке, сдулась от неожиданности. Раздражение ушло и ей стало стыдно за свой глупый наезд.

– Извини. Просто мне кажется, я не могу совсем не пить. Пробовала и словно не жила. То есть сначала, конечно, классно. Просыпаешься утром, а голова ясная, не трясёт, не тошнит. С непривычки даже пугаешься – не можешь понять что с тобой, заболела что ли? – она невесело рассмеялась, – А главное – не надо искать чем похмелиться или догнаться, не надо никуда идти, ничего покупать или занимать. Весь день твой!

– Первые дни – эйфория! – подхватил из темноты Митрий, – И кажется, что так будет всегда. Потом к этому привыкаешь. А затем становится скучно...

– Тоска! Всё одно и то же вокруг, заранее знаешь, что будет завтра, и послезавтра, и через месяц... как замкнутый круг.

– И чтобы вырваться из него нужно выпить, – грустно завершил Митрий, – Всё так и есть.

– Вот, ты меня понимаешь! – Натка почувствовала облегчение и благодарность, – А другие нет. Думают, что можно просто не пить.

– Потому что они могут просто не пить. Это не их проклятие, а наше. Это мы должны делать выбор.

– Но как его сделать?! – Натка снова повысила голос, – Как жить в замкнутом круге?

– Замкнутый круг можно разорвать не только алкоголем, – Митрий зашевелился и, Натка, скосив глаза, увидела, как его рука, кажущаяся призрачной в синем луче прожектора, указывает на стены, – Видишь эти картины? Это то, что помогло мне. Это те самые краски мира, которых не хватало без выпивки. Я не знал как их вернуть, и тогда просто пошёл в магазин, и купил. То есть в прямом смысле слова купил краски. Начал потихоньку рисовать, втянулся, и вот... сам не заметил, как они сошли с бумаги и разукрасили всё вокруг. И мир стал таким ярким, каким его никогда не мог сделать никакой алкоголь.

– Я не умею рисовать, – буркнула Натка, досадуя на то, что вместо дельного совета, который она втайне надеялась услышать, Митрий пустился в пустое словоблудие. Краски у него с бумаги сошли видите-ли! Как ещё сам с ума не сошёл с такими-то рассуждениями?

– Ты умеешь что-то другое. Ищи что тебе по душе, ищи то, что поможет тебе выразить кто ты есть. Алкоголики – чаще всего талантливые люди! И быть беде, если мы не можем открыть свой талант вовремя, тогда его место и занимает пьянка.

Натка преувеличенно громко зевнула. Вот уж в чём она сейчас меньше всего нуждается, так это в очередной болтовне о предназначениях, которые нужно обязательно исполнить, иначе хана и забвение. Про такие вещи было не раз говорено-переговорено на собраниях АА, где бывшие и не совсем бывшие алкаши чесали языками, пытаясь хоть как-то романтизировать и хоть чем-то оправдать свою унижительную зависимость. Натка сотни раз слышала о том, что пьяницы чуть ли не поголовно очень умные, одарённые, и добродетельнейшие человеки, что именно поэтому они и становятся жертвами лукавого, ведь он в первую очередь спешит добраться до хороших людей. И добирается таким вот хитрым способом. С придыханием перечислялись имена великих, поработённых тем же зелёным змием, что терзал любого из собравшихся: Хемингуэй, Ван Гог, Пётр Первый, Эдит Пиаф, Эдгар По, Омар Хайам, Высоцкий, Есенин, Блок...

Натке нравилось слушать своих товарищей по несчастью, хоть она и понимала в глубине души, что такие разговоры – просто ещё один способ оправдать себя. А уж оправдывать себя изобретательнее алкаша не умеет наверно никто не свете! И пусть она поддакивала, соглашаясь с тем, что все они здесь на удивление светлые головы, добрейшие души, и поцелованные ангелом таланты, настолько опасные для тёмных сил мира сего, что те пытаются уничтожить их в первую очередь – в глубине души ей было смешно. Как наверное и остальным. Ведь кому, как не самим пьяницам, у каждого из которых был свой ад на земле, знать, что нет в их алкоголизме ничегошеньки возвышенно-трагического. Сплошная грязь, вонь, и блевотина.

Митрий примолк, видимо поняв, что рассуждения о высоких материях не зашли. Натка слышала в темноте его мерное дыхание, и даже подумала, что мужчина уснул, когда раскладушка под ним жалобно скрипнула.

– Спокойной ночи... Наталия, – сказал бородач уже другим, грустным и усталым голосом, таким, что Натке опять стало стыдно за себя. Может быть Митрий просто хотел поговорить на тему зловещей синей ямы, из которой сумел вырваться, и теперь гордился собой? А она не пожелала поддержать разговор, то есть сделать для своего спасителя ту единственную малость, которой могла бы его отблагодарить.

– Мить, – позвала она извиняющимся тоном, – Ты большой молодец, но мне твой способ не поможет, правда. Нет у меня никаких талантов, я самая обычная девчонка. Просто выпить очень люблю. И никто в этом не виноват, кроме меня. Я могла бы сейчас жить с тётёй Валеёй в Москве, но выбрала другое... и не о чём тут разговаривать.

– А знаешь, – после недолгого молчания ответил Митрий, – Всё не так плохо, раз ты не боишься взять ответственность за свою жизнь на себя, а не перекладываешь её на других, как это обычно делают алкаши.

«И на этой оптимистичной ноте...» – ехидно подумала было Натка, но уснула, не успев закончить свою мысль.

Глава 4

«Как сейчас помню свой первый абстинент – тогда я ещё конечно и слов таких не знала, и не понимала, что со мной происходит – чуть от страха Богу душу не отдала! Как раз дело было полтора годика назад, после активного отмечания новогодних праздников. Лежу в кровати ночью, пытаюсь заснуть и тут... началось! Только глаза закрою – кто-то за спиной шевелится и дышит так тяжело. Повернулась – никого. Только начну потихонечку засыпать, а „оно“ еще разговаривать начало, о чем вещало, я не помню, но ничего хорошего – это точно. Глаза открою – какие-то тени темные по комнате мелькают. Попыталась успокоиться, начала опять засыпать, а этот „зверь пушистый“ душит меня начал, причем ни пошевелиться не можешь, ни дышать, ни слова вымолвить. Видишь только комок темный сидящий на тебе и всё. Минуты через две отпускает. К слову говоря тогда я была трезва абсолютна, не пила сутки, поэтому и подумать не могла что все эти кошмары вызваны приёмом алкоголя. Тогда я всё свалила на домового, который якобы разбушевался. Приехала бабушка, комнату по углам святой водой побрызгала, а на самом-то деле какие домовые? – просто допилась до чёртиков, да и всё. Потом уже заметила закономерность, что всё это происходит после хороших таких заплывов. Еще хочу добавить от себя, что органы восприятия работают совершенно по-другому. Запахи все искажены, вкус воды и то какой-то странный, ощущение своего тела, кожи, тоже непонятные»

Такой ночи, как эта, Натка не могла припомнить за последние годы. Было ли тому причиной целебное действие водки неизвестной марки, преподнесённой Митрием, или уютная атмосфера его вагончика, но спала она так спокойно и крепко, так, по старинке выражаясь – сладко, что с удовольствием провела бы в этом сне остаток жизни. Тем более, что пробуждение не сулило ничего хорошего. У алкашей утро вообще никогда не бывает добрым.

Однако, кое-что хорошее всё-таки произошло.

Во-первых, ароматнейший свежесваренный кофе, приготовленный для неё Митрием в маленькой турке, и с которым нельзя было даже близко сравнить коричневую растворимую бурду, обычно употребляемую Наткой. А во-вторых, после завтрака, когда она уже с тоской поглядывала в окно, на предрассветную темень, куда скоро предстояло уйти, на стол рядом с её ладонью легла купюра в пятьсот рублей.

– Что это? – Натка подняла на Митрия вопросительный взгляд.

Тот смотрел серьёзно и строго.

– Это – твой выбор. От него зависит, как и где ты проведёшь сегодняшний день, а может – и всю свою дальнейшую жизнь. Автобусы уже ходят. Я провожу тебя до остановки, ты поедешь к вокзалу, а там сядешь на электричку идущую до деревни, в которой живут мои родители. Адрес дам. Приедешь, скажешь, что от меня, я им тоже позвоню, предупрежу, тебя примут. Не бойся – расспросов не будет. Осуждения тоже. Бедные старики в своё время со мной хлебнули такого, что их уже ничем не удивишь. Тебя поселят в комнате, где раньше жил я. И там ты должна остаться, пока не переболеешь. На сухую. Да, будет очень хреново, кому как не мне это знать, но по крайней мере ты будешь в тепле, в безопасности, и под присмотром моей мамы – в прошлом, кстати, медсестры.

Натка представила себя в чужом доме, потеющую в чужой постели, блюющую в чужое ведро, и горестно скривила рот, но Митрий повысил голос, не дав ей вставить ни слова:

– Больше тебе всё равно податься некуда! Я, конечно, понимаю, что тебе не составит труда найти очередных собутыльников и продолжить веселье, да только сколько верёвочке не виться, а рано или поздно остановиться придётся. И лучше сделай это так, как я предлагаю.

– Спасибо большое, – забормотала Натка, – Но мне...

– Выбор за тобой, – не стал слушать её Митрий, – Ты можешь поехать к моим родителям, перетерпеть похмелье, и начать потихоньку налаживать свою жизнь. Мы тебе поможем, чем в наших силах. А можешь купить водки, или что там обычно употребляешь, и отправляться куда угодно. Я от тебя не жду никаких обещаний и ни на чём не настаиваю. Моё дело – предложить.

С этими словами Митрий поднялся из-за стола, демонстративно посмотрев на ходики.

На улице не стало теплее, но Натке, отогревшейся в уютном вагончике под ватным одеялом, холод не показался страшным. Она даже подивилась про себя тому, что умудрилась вчера чуть не замёрзнуть при таком-то пустяковом минусе. Темнота ещё висела над городом, лишь на востоке пасмурное небо начало слегка сереть в обещании рассвета. Было ветрено и промозгло, но снег больше не шёл.

Шагая вслед за Митрием, она с тоской обернулась на удаляющийся вагончик, глядящий ей вслед жёлтыми окнами, и снова подумала, что если бы добрый бородач захотел стать её очередным рыцарем и предложил остаться – она бы согласилась. Уходить ужасно не хотелось. Утешало только то, что они с Митрием наверняка ещё свидятся, и не единожды, раз она едет к его родителям. Вот только едет ли?

Свёрнутая вдвое «пятихатка» лежала в кармане джинсов вместе с тетрадным листом, на котором Митрий крупными печатными буквами вывел адрес своих родителей, и Натка помнила о ней каждую секунду. Пятьсот рублей – это две бутылки недорогой магазинной водки. Три – самой дешёвой или по акции, если таковая найдётся. А уж если вместо магазина отправиться в аптеку, то сколько же фунтыриков можно там набрать? Она богата!

Словно прочитав эти мысли, Митрий притормозил, поджидая пока ночная гостья поравняется с ним на узкой дорожке, и спросил:

– Ты наверное хочешь купить банку пива чтобы поправиться, и на оставшиеся деньги уехать к моим старикам?

Натка не посмотрела на него, боясь, что бородач увидит её покрасневшие щёки, ведь именно об этом она сейчас и думала с той лишь разницей, что пить собиралась не пиво, от которого всё равно толку с гулькин хрен, а пару флакончиков пустырника или боярышника. Чтобы уже после этого, когда подкрадывающаяся абстяга отступит прочь, серьёзно подумать над предложенным выбором.

– Так вот, – продолжил Митрий, широко шагая рядом с ней, – Хочешь – покупай, я уже сказал, что это только твоё дело. Просто мы оба знаем, что в нашем случае одной бутылки пива не бывает. Ты потом обязательно купишь вторую, и третью, и что-нибудь покрепче, и так пока не кончатся деньги, верно?

Натка кивнула, готовая провалиться от стыда. Когда уже эта чёртова остановка?!

– Я знаешь как раньше делал? – взгляд Митрия снова затуманился, погружаясь в прошлое, – Если появлялись деньги и боялся их пропить, то просто, не думая, бегом бежал, например в банк, и платил за квартиру. Или накупал продуктов на две недели вперёд, или какую нужную вещь. А то и не очень нужную. В общем спешил спустить бабло на что угодно, только не на синьку. Главное было сделать это сразу, не давая себе паузы, без промедления! Вот и ты сейчас, как на вокзале из автобуса выйдешь, сразу беги к кассам, без остановки! И в очереди не стой, это тоже опасно – в наглую лезь, придумай что-нибудь! Если купишь билет, а не бутылку, то считай первый бой выиграла.

Натка не ответила, только снова кивнула, не поднимая головы. Смотреть на Митрия было невыносимо стыдно. Отчасти оттого, что не оставляло впечатление, будто он видит её насквозь, но в основном потому, что в глубине души она уже приняла решение, сделала выбор, определила своё будущее. И родителям бородача, как и ему самому, в нём места не было.

Остановка оказалась совсем рядом с тем участком дороги, где накануне Натка чуть не уснула посреди метели. В припорошившем обочину снегу даже остались углубления от её тела. Смотреть на них было стыдно и почему-то очень грустно, словно вчера она всё-таки замёрзла насмерть и эти следы – единственное, что осталось от неё в этом мире.

– Ну, удачи! – сказал Митрий и положил руку Натке на плечо, глядя на приближающийся к ним старенький «пазик». Из открывшихся дверей автобуса в утренние сумерки потянулись хмурые сонные люди, скорее всего те, кому не посчастливилось работать в этом неприветливом месте.

– Спасибо, – Натка по-прежнему избегала смотреть Митрию в лицо, – Спасибо за всё. Если бы не ты, я бы вчера наверно...

Но бородач вдруг засуетился, зашарил по карманам, и торопливо сунул ей в ладонь горсть мелочи.

– Чуть не забыл! Держи, а то с утра у кондуктора вечно сдачи нет. Всё, иди! Старикам моим привет!

Натка поднялась в опустевший автобус, села у окна, и принялась махать Митрию, который не уходил и тоже махал ей, пока не скрылся за поворотом. И только тогда она подумала, что за всё недолгое время их знакомства, так и не разглядела толком его лица, скрытого густой бородой.

События последующих суток почти стёрлись из Наткиной памяти. До вокзала она не доехала, выскочила из автобуса, когда за окном в рассветной серости мелькнула неоновая вывеска «24 часа». Митрий оказался прав – сначала она думала лишь поправиться какой-нибудь спиртодержательной настойкой, купленной в аптеке, а уж потом, малость улучшив настроение, подумать как быть дальше. И кто знает, может быть всё-таки отправиться по адресу, написанному на спрятанном в кармане джинсов бумажном листе. Ведь как ни крутись, а еда и ночлег, особенно на пороге зимы – очень веский аргумент в принятии важных решений.

Но в магазине, который согласно закону в столь ранний час спиртным ещё не торговал, продавец-азиат, мигом разглядев в Натке своего клиента, посулил ей из-под полы разбодяженный спирт по весьма привлекательной цене. И от столь заманчивого предложения она, разумеется, не смогла отказаться.

Пиво с утра – это шаг в неизвестность! Такая шутка была популярна во времена Наткиного отрочества, когда она только начала своё знакомство с весёлой жизнью, и тогда пиво с утра действительно было шагом в неизвестность. Сейчас же никакой неизвестности в этом для Натки не осталось. Всё с ней уже было, всё она видела, и точно знала куда именно, в какие места, к каким людям, на какие развилки событий может привести с утра хоть пиво, хоть разбавленный спирт. И с чего стоит начинать такое утро.

Сначала нужно найти открытый подъезд. Когда на улице холодно, а пойти не к кому – это единственный вариант. Но подъезды в городах сейчас все с домофонами – люди стали пуганные, недоверчивые, старающиеся по максимуму отгородиться от внешнего мира. Разве что на окраинах можно обнаружить старые дома, чьи такие же старые жильцы не удосужились закрыть свои парадные от посторонних. Но до окраины далеко, да и не за тем Натка оттуда выбиралась, чтобы сейчас вернуться. Попасть в чужой подъезд – на самом деле раз плюнуть! Надо просто постоять на крыльце, подождать пока кто-нибудь не выйдет или не зайдёт, чтобы ужом скользнуть внутрь. Утром задача облегчается – люди спешат на работу и обычно не оглядываются на дверь, порог которой только что переступили.

Вот и сегодня Натка осуществила это привычное действие легко и быстро. А дальше... дальше было всё как и предполагал Митрий: последующие походы в магазин, где смуглый продавец уже улыбался ей как родной, шатание по улицам, скамеечки, другие подъезды, короткий сон на их ступенях вечером, крепкий сон, а точнее алкогольная кома у мусоропровода ночью...

Сутки пронесли в дурном угаре, и через двадцать четыре часа после того, как она вышла из автобуса, Натка снова стояла, покачиваясь, в тех же предрассветных морозных сумерках, с последними пятьюдесятью рублями в кармане. И на что их потратить вопрос не стоял.

– Утро доброе, красавица! – со смехом приветствовал её всё тот же продавец-азиат, который, похоже, работал за кассой бесшумно и в отдыхе не нуждался, – Снова дринок? Это который уже дринок у тебя? Плохо будет!

– Мне уже плохо, – процедила Натка, шлёпая перед ним на прилавок последнюю купюру.

– Понял! – воскликнул парень и нырнув в подсобку, заголосил оттуда, – Скорая помощь уже в пути!

Натка зажмурила глаза и хотела прижать ладони к ушам, чтобы не слышать этих до отвращения бодрых звуков, но руки налились тяжестью и плетью повисли вдоль тела. Что – уже? Сколько дней она пьёт?

– Держи, красавица!

Пластиковая бутылка 0,5 появилась перед её застывшим взглядом, но Натка не пошевелилась. Голову сжимал каменный обруч, перед глазами всё плыло.

– Эээ, красавица! – продавец засуетился, выскочил из-за прилавка, приобнял её за плечи с насмешливым сочувствием, – Совсем плохо, да? Совсем конец? Слушай, а потерпи до обеда? Тут рядом где-нибудь погуляй, а? Я сменюсь, кассу сдам, и ко мне пойдём. Выпить, покушать, отдохнуть, а?

Его рука скользнула вниз по Наткиной куртке, и сразу – снова вверх, под неё. Мокрые губы ткнулись в ухо.

– Мы втроём квартиру снимаем, – уже шептал азиат, елозя ладонью по Наткиным джинсам, – Хочешь к нам? Кормить, поить будем, а? Ты только...

Она с силой отпихнула его, выдернула из кармана смятый пакет, подобранный возле одного из подъездов, сунула туда бутылку, покачиваясь, пошла из магазина.

– Ну и вали, пьянь! – донеслось вслед, – Больше не приходи, не продам! Вот шлю...

Звук захлопнувшейся двери обрубил звук его голоса на полуслове, но Натка ничего не потеряла – это слово было ей прекрасно известно. И она сразу забыла про азиата-продавца, как забывала о каждом незначительном, пусть и неприятном эпизоде своей нескладной жизни. Пошла, не глядя, прочь. Ноги и безошибочная интуиция алкоголика привели её к подъезду девятиэтажки, в который как раз втягивалась стайка беспечных школьников. Натка без труда проскользнула следом за ними незамеченной, и вновь обрела временное пристанище.

Лифт увёз её на последний этаж, где, как она давно усвоила, обычно меньше вероятность привлечь чьё-то внимание. Там Натка нашла закуток у батареи, возле которого и опустилась на корточки, обняв пакет с заветной ёмкостью. Закрывает глаза, переводя дыхание. Самочувствие было исключительно паршивым и это её пугало. Вроде ещё не время... Да, в любом самом продолжительном запое наступает момент, когда ты больше не можешь пить. Самое страшное, что НЕ пить ты тоже не можешь. Да и нельзя совсем НЕ пить – выход на сухую из такого дальнего заплыва грозит белочкой, паническими атаками, а то и приступами неожиданной эпилепсии. Говорят, можно даже отъехать. Правда отъезжали с бодуна обычно люди раза в два старше Натки, но зачем испытывать судьбу? Так что вариант один – всё-таки пить, но очень малыми дозами, крошечными глотками, после каждого из которых придётся прилагать титанические усилия, дабы удержать проглоченное в сопротивляющемся обожжённом желудке. Это удаётся далеко не всегда, поэтому блевать первые пару дней придётся много. Блевать и лежать, лежать и блевать. И здесь главное, чтобы для этого было место. Тихое тёплое

место с запасом чистой воды и легкой пищи, с возможностью сходить в туалет куда-нибудь кроме как под себя.

Увы, сегодня такого места у Натки не было, а жуткий переломный момент, когда измученный организм вот-вот начнёт отказываться от того единственного, что может ему помочь, кажется, уже приближался. И тогда, в ужасе перед надвигающимся кошмаром, она сделала то, что, собственно, делала всегда в любой непонятной ситуации – начала пить. Доставала бутылку из пакета, отхлёбывала, зажмурившись, проталкивала глоток пошла внутрь своего худого измождённого тела. Часто дышала, откинув голову назад, с надеждой прислушивалась к ощущениям, ожидая, что вот-вот начнёт легчать. Но в голове по-прежнему роилась тяжёлая тошнотворная муть, сердце билось тяжело, с трудом гоня по венам отравленную кровь, а кожа под одеждой покрывалась липким холодным потом... Абстия была уже здесь, подобралась незаметно и неумолимо, её уже не отпугивало наличие у Натки ещё недавно спасительного алкоголя, как оголодавшего волка постепенно перестаёт отпугивать еле тлеющий костёр.

Натке было знакомо такое состояние, она знала, что будет дальше. Это знание вкупе со слабостью и ознобом, заставляло её трястись мелкой трусливой дрожью, и через силу всё прикладываться и прикладываться к стремительно пустеющей бутылке, хоть она и поняла уже, что это не принесёт облегчения. Всё, на что ещё можно было рассчитывать – небольшая отсрочка, короткая алкогольная кома, в которую можно провалиться на часок-другой.

И Натка провалилась. Когда содержимое бутылки почти подошло к концу, её, наконец, перестало трясти, накрыло спасительной сонливостью, и она свернулась клубком прямо там где сидела – на цементном полу подъезда, у едва тёплой батареи, положив зачем-то под голову пустой пластиковый пакет...

Забвение было недолгим. Ещё до наступления полдня Натку грубо подняли с её скромного лежбища чувствительным пинком. Такое иногда случается, если имеешь неосторожность уснуть на чужой лестничной площадке, заодно провоняв её перегаром, поэтому Натка не удивилась и даже не расстроилась. Торопливо поднявшись, она, насколько позволяла нарушенная координация движений, поспешила к лифту, провожаемая отборной бранью пожилого мужика, крайне возмущённого её алко-сиестой в родном подъезде. Возмущённого до такой степени, что он не успокоился, пока не убедился, что незваная гостья действительно ушла, а не затихарилась на другом этаже. Это было весьма разумно с его стороны, потому что Натка так и хотела сделать – ноги её заплетались, выпитый спирт шумел в голове, и идти сейчас куда-то в поисках нового убежища казалось совершенно невозможным. Однако пришлось.

На улице со вчерашнего дня заметно похолодало. Опять выпал колкий снег, и немногочисленные прохожие втягивали головы в воротники. Мела позёмка. Сердитый обитатель подъезда с грохотом захлопнул дверь за Наткиной спиной, приправив этот звук парой непечатанных слов, и она осталась одна. Не в силах больше держаться на ногах, опустилась на скамейку, постаралась собраться с мыслями, что оказалось совсем нелегко, учитывая количество выпитого за последние сутки.

О чём она думала, когда тратила последние деньги на всё новые и новые бутылки, которые доставал для неё из-под прилавка быстроглазый продавец-азиат? Ответ очевиден: она думала только о содержимом этих бутылок, о чём ещё, скажите на милость, может думать алкоголик? Алкоголик – он ведь живёт даже не одним днём, а одной минутой. Для него главное – побыстрее залить глаза, а что будет дальше кажется не важным. Ровно до того момента, пока это самое «дальше» не наступит.

Сейчас оно наступило, и Натка, впрочем, как и всегда в таких случаях, понятия не имела, что делать.

Она сидела у чужого подъезда, нагнувшись вперёд, обхватив голову руками, и чуть раскачиваясь. Неудержимо тянуло в тяжёлый алкогольный сон, и в другой ситуации можно было бы лечь прямо на скамью, но сегодня этому мешал холод, уже начавший проникать под тонкую

одежду. Но нет худа без добра – он же сумел немного освежить Наткины путающиеся мысли, ровно настолько, чтобы этого хватило для принятия простого решения – вернуться туда, где ей последний раз было тепло и спокойно. К Митрию. В уютный вагончик с картинами на стенах. К человеку, проявившему доброту, которую она не оправдала. Но ведь больше идти всё равно некуда, верно?

И Натка пошла.

Пошла, потащилась, качаясь из стороны в сторону, привлекая брезгливые взгляды прохожих, вздрагивая от холодных порывов ветра. Пошла в том направлении, откуда, судя по смутным воспоминаниям, вчера привёз её автобус. И этот путь занял ни много, ни мало – добрую половину суток. С полудня до полуночи. Разумеется, всё это время она не только шла. Несколько раз проникала в подъезды, где находила батарею и ложилась возле неё, отогревая коченеющее тело. Там и засыпала: на полчаса, на час, а то и дольше, пока её не гнали прочь безликие, но очень шумные люди.

А на улице темнело, холодало, и хмель, пусть неохотно, но выветривался из Наткиной уже раскальвающейся от боли головы, тем самым предавая её в лапы торжествующий абстияги, но зато возвращая возможность быстрее двигаться и худо-бедно соображать. Она уже думала о том, что скажет Митрию, как сможет объяснять то, что пренебрегла его добрым порывом и променяла предложенную искреннюю помощь на очередной бесцельный запойный день? И есть ли смысл оправдываться? Если Митрий и сам когда-то прошёл через всё это – он поймёт. Другой вопрос – захочет ли помочь ей ещё раз? Об этом Натка старалась не думать, но очень надеялась, что поможет, что не оставит её посреди ночи (а когда она доберётся до его вагончика, несомненно будет уже ночь) на улице. Ладно бы ещё было лето, но сейчас так холодно... И тем холоднее становится, чем гуще смыкается вокруг Натки темнота.

Оживлённый центр остался позади, пустела проезжая часть улиц, последние прохожие торопились в свои тёплые квартиры, гасли жёлтые окна домов – город засыпал. Городу было всё равно, что на его остывающих улицах остались те, кому некуда пойти.

Натка увидела, как впереди открылась, выпуская манящий свет, дверь подъезда, и почти бегом бросилась туда. Повезло – выходящий из дверей человек торопился и не обратил на неё внимания. Полчаса в тепле, прижавшись к батарее, в полуобморочном состоянии начинающегося тяжелейшего абстинентного синдрома всё-таки подарили Натке силы для последнего рывка. Для последнего, потому что здесь жилые дома заканчивались, и за знакомым поворотом возле храма, начиналась безлюдная и бесконечная промзона с её мертвыми синими огнями.

Оставшийся час пути почти стёрся из Наткиной памяти. Она урывками помнила блеск снега под фонарями, гудок автомобиля, под который чуть не попала, свою тощую тень на мёрзлом асфальте, и холод, холод, холод! Холод теперь был везде, он вытеснил из окружающего мира всё остальное и стал Наткиной единственной реальностью. Жестокой реальностью, заставляющей через силу переставлять дрожащие ноги, не позволяющей остановиться или хотя бы замедлить шаг, не делающей скидок на её бешено колотящееся сердце и пульсирующую болью голову.

Когда перед затуманенным взором показался знакомый вагончик, Натка не сразу поверила, что всё-таки дошла. Сокращая последнее расстояние до своей цели, она всё ждала, что уютный жёлтый свет его окон вдруг начнёт отдаляться по мере её приближения, как отдаляются от заблудившегося путника болотные огни. Ей было уже всё равно что скажет Митрий, как отреагирует на её появление – стыд пропал. Стыд и так последние годы не особо-то часто напоминал о себе, хоть и были в Наткиной жизни для него причины – много причин! Но о каком стыде может идти речь, когда ты чувствуешь, что от холода густеет кровь в венах?

С трудом сгибая в коленях коченеющие ноги, Натка поднялась на маленькое самодельное крыльцо и почти упала на дверь вагончика, прижалась к ней всем телом, как прижимается утопающий к борту подоспевшего ему на помощь корабля.

Перевела дыхание и постучала.

Глава 5

«На первый день отхода всё было, и зрительные глюки, когда закрываешь глаза, и слуховые, и тишина постоянная, блевал через каждые десять минут. Но вот, что самое страшное – это ночь! Дикая кошмар! Лежу, пытаюсь хоть на ненадолго уснуть, и тут всё моё тело немеет, вижу какие-то движущие объекты, причём вообще не могу пошевелиться, только глаза смог открыть, и тут случилось самое страшное – это повергло меня просто в необъятный ужас. Смотрю, моя черная кошка резко так срывается с кровати и бежит к двери, начинает там на кого-то прыгать, и, причём всё это сопровождалась соответствующими звуками, в этот момент возле двери материализуется какой-то мужик в трико и такой сорочке в клетку сине-зелёную, и так стремительно направляется ко мне, а я даже пошевелиться не могу, и в глазах его такая ненависть – просто кошмар, не видел у людей такого. Моей кошке всё же удаётся на него запрыгнуть, он её хватает за шею, и душит, а потом они медленно так растворяются, и меня отпускает, получается встать. Смотрю, кошка лежит на том же месте на кровати. Иду, включаю везде свет, и большие не ложусь, такого я никогда не испытывал. Так что не знаю, что вы про кошек пишете, но теперь я её как-то больше уважаю»

Дверь открылась не сразу и сердце Натки начало переполняться страхом. А если Митрия сейчас нет в вагончике? Но свет в окнах... может ли быть такое, что бородач, уходя, оставляет его включённым, чтобы создать видимость чьего-то присутствия дома и не искушать воров? Очень даже может! Но тогда её дела плохи...

Чувствуя подступающую панику, Натка попыталась сжать уже негнувшиеся от холода пальцы в кулаки, чтобы забарабанить в дверь изо всех сил, когда услышала за ней шаги. Чуть не расплакавшись от облегчения, торопливо позвала:

– Митрий! Мить! Это снова я! Впусти пожалуйста, замерзаю!

Дверь начала открываться с мучительной медлительностью, тогда Натка, изнывая от желания поскорее оказаться в тепле, надавила на неё ладонями, и, не дожидаясь приглашения, ввалилась внутрь, уже не беспокоясь о том, как будет воспринято её появление.

– Эй! Какого хрена?!

Грубый чужой голос ударил по ушам, и она испуганно вскинула глаза... на незнакомого взъерошенного мужчину в трусах и майке. Он грубо схватил её за плечо.

– Я тебе чуть не всёк, дура! Ты кто такая?! Чего ломишься?

– Я... я... – Натка хлопала посиневшими губами, не в силах собрать разбегающиеся мысли, чтобы хоть как-то оценить сложившуюся ситуацию.

– Ты, ты! Чего припёрлась, говорю, посреди ночи? Ищешь кого?

– Да! – она ухватила за его слова, – Ищу Митрия... то есть к нему пришла.

– Какого ещё Дмитрия? – мужик отпустил её и с грохотом хлопнул дверью, – Напустила холоду! Какой Дмитрий тебе тут?

Но Натка не ответила. Она во все глаза смотрела на внутреннее убранство вагончика и чувствовала, как и без того контуженный алкоголем мозг окончательно теряет связь с реальностью.

Картины исчезли. Теперь вокруг были только голые и местами чем-то заляпанные гипсокартонные панели стен, в которых чёрными квадратами зияли окна, лишившиеся занавесок. На полу больше не лежали уютные дорожки, на стене не тикали ходики. Диван, который накануне так удивил Натку своим чересчур свежим для такого места состоянием, теперь выглядел

как и полагалось бы выглядеть дивану, стоящему в строительной бытовке: покрытый пятнами, продавленный, в нескольких местах прожжённый сигаретами, без покрывала... Не стало и уютного настольного абажура, его заменила голая лампочка, висящая на проводе под потолком. Стол без скатерти оказался старым и колченогим, из шкафа исчезла посуда, а стекло одной его дверцы подёрнулось сеткой трещин.

– Так и будешь молчать? – мужик ладонью пихнул Натку в плечо, – Чё застыла-то?

Тут он сам застыл, подозрительно потянул носом, и его глаза сузились.

– Вот это, бля, от тебя тащит! Бухая? Нет здесь никакого Дмитрия, проваливай!

– Митрия... – забормотала Натка, совершенно сбитая с толку, – Митрий здесь был... картины были... я у него ночевала!

– Подожди, – мужик взялся за подбородок, – Митрий с картинами, говоришь? Да откуда же ты свалилась? Он кем тебе был?

– Д... друг, – прошептала Натка, чувствуя обморочную слабость, порождённую отнюдь не абстакгой, а только что прозвучавшим зловещим словом «был».

– Друг, значит? – мужик хмыкнул, – Ну, выходит не очень близкий друг, раз до сих пор ничего не знаешь. Помер Митрий. Уж года два как помер.

Натка отступила на шаг, прислонилась спиной к закрытой двери, в которую совсем недавно так торопилась войти, прикрыла глаза и с трудом выдавила:

– Как помер? Как – два года? Он ведь...

В голосе мужика зазвучала тень сочувствия:

– Он же в прошлом запойный был, ты знала? Пил по-чёрному, бомжевал. А потом завязал резко, сюда работать устроился, рисовать начал. Говорят, здорово получалось. Я-то уже после пришёл, не знал его, только по рассказам помню. Ну вот работал, рисовал, хорошо всё было вроде. А однажды зимой его поутру замёрзшим нашли. Там вон, подальше через дорогу, на обочине. В сугробе лежал. А вскрытие показало у него в крови алкоголя за пределами просто! Вот так – сорвался человек, сил не рассчитал. А может сердце прихватило, с алкашами бывает после долгой завязки...

Натка смотрела себе под ноги, на заляпанный пол. Заляпанный до такой степени, что он никак не мог ещё вчера быть чистым. В углу, куда Митрий убирал её ботинки, теперь стояло треснутое ведро, забитое мусором до краёв.

– Нет, – прошептала она еле слышно, – Этого не может быть...

Мужик неловко похлопал её по плечу.

– И не такое бывает, чего уж теперь... Иди себе, нет здесь больше Митрия, царство ему небесное.

Натка с неожиданной для самой себя яростью отшвырнула его руку, и на этот раз крикнула во весь голос:

– Нет! Это неправда! Врёшь! Зачем ты врешь?! Митрий ещё вчера был тут!

Мужик отшатнулся, его ноздри раздулись, напускное сочувствие исчезло без следа.

– А ну пошла отсюда, пьянь! Пасть ещё тут открывать будешь!

Натка неосознанным движением сложила руки перед собой в молитвенном жесте.

– Но Митрий правда ещё вчера был здесь! Я у него ночевала!

– Пить надо меньше! Вчера я тут ночевал, как и позавчера, и неделю назад, и год! А тебя первый раз вижу! А ну вали!

От распахнул дверь, надвинулся на Натку, выдавливая её наружу – обратно в темноту и холод. Толкнул так, что она не удержалась на ногах – упала с крыльца, больно ударившись копчиком.

– Ещё раз сюда сунешься – не так полетишь!

Дверь захлопнулась, и Натка осталась лежать на снегу, совсем как сутки назад. Вот только не было рядом Митрия, который мог бы поднять её на руки и унести в тепло. Да и был ли он вообще, если на то пошло?

С трудом поднявшись на ноги, от чего пульсирующая болью голова чуть не взорвалась изнутри, Натка во все глаза уставилась на вагончик. Мужик смотрел в окно, встретился с ней глазами, погрозил кулаком. И взывать к его жалости было так же бесполезно, как и небезопасно. Натка, благодаря своему богатому и не самому радужному жизненному опыту умевшая разбираться в людях, безошибочно определила в нынешнем хозяине вагончика тот тип людей, что не прочь сорвать злость на ком-то слабом, на ком-то, кто не сможет дать сдачи и за кого некому будет заступиться. Она знала, что таких лучше не злить, поэтому развернулась и побрела прочь, предпочтя возвращение в мёрзлую темноту попыткам получить здесь помощь.

С трудом добравшись до пятачка асфальта – автобусной остановки, откуда не так давно уезжала сытой, отогревшейся, и почти трезвой, Натка остановилась, потеряно озираясь. Разумеется автобусы уже не ходили. А если бы и ходили – денег на дорогу у неё не было. Ни рубля не осталось от «пятихатки», что дал ей на дорогу Митрий.

Митрий умерший два года назад, замёрзший пьяным в сугробе в том же месте, где позавчера чуть не замёрзла она сама.

Натка застонала, обхватив голову коченеющими руками. Что происходит?! Это белая горячка? Но ведь Митрий действительно существовал, он не был плодом её воспалённого воображения! Он жил здесь, он писал картины, он раньше много пил, а потом завязал, о чём сам же и рассказывал! Откуда бы она узнала всё это, существуй вчерашняя ночь лишь в её отравленных алкоголем мозгах?!

– Я... – Натка зашагала по улице, не задумываясь куда, просто чтобы заставить замерзающее тело двигаться, – Я вчера как-то попала в прошлое? Я оказалась здесь двумя годами раньше? Или... или это я сейчас попала на два года вперёд?!

Она принялась испуганно озираясь, словно ожидая увидеть где-нибудь в воздухе светящиеся цифры сегодняшней даты. Цифр не было, зато Натка обнаружила, что ноги несут её в обратном направлении, туда, откуда она и пришла, прочь из промзоны, к жилым кварталам. Это было правильно, потому что какая бы мистика ни творилась в жизни, а насущных проблем никто не отменял. И сейчас главная её проблема – холод. Настоящий, почти зимний холод, пробирающий уже до костей, сковывающий движения, заставляющий и без того измученное тело колотиться в мелком ознобе, а кровь в венах замедлять свой живительный бег.

Интересно, Митрий замёрз в такую же ночь? И неужели он был действительно настолько пьян, что не смог пройти несколько десятков метров до своего вагончика? Зачем снова начал пить? Что случилось?

«Потому что ты не приняла его помощь» – шепнул из пустоты чей-то вкрадчивый голос, и Натка не удивилась. Для запойного алкоголика голоса в голове – дело привычное. Что действительно напугало, так это смысл произнесённых слов. Казалось бы – бессмыслица, но оглётными в состоянии абстязги нервами помноженными на звериную интуицию алкоголика, Натка уже знала, что это правда. Неизвестно каким образом, какими тайными перипетиями судеб, какими искривлениями времени и пространства, но эти два события: гибель Митрия и его пятьсот рублей потраченные Наткой на очередной пьяный загул – были прочно взаимосвязаны. Если бы она вчера, как он и предлагал, поехала по названному ей адресу, сейчас всё было бы иначе... Адрес!

Натка лихорадочно зашарила сначала по карманам куртки, потом джинсов, но не обнаружила сложенного вчетверо тетрадного листа, на котором (она помнила это так ясно!) каллиграфическим почерком художника были написаны название посёлка, улицы, и номер дома родителей Митрия. Опустила руки. Само по себе отсутствие клочка бумаги ещё ничего не зна-

чило, в конце концов, вчера Натка валялась по чужим подъездам и запросто могла обронить его где угодно, но успокоить себя этим не получилось. Она чувствовала – тетрадный лист не потерялся, его просто не стало, как не стало вдруг в мире и самого Митрия.

– Это же было два года назад! – вслух простонала Натка, с трудом переставляя ноги, уже превратившиеся в две ледяные негнущиеся ходули, – А я потратила деньги только вчера...

Но слова ничего не значили. Слова на самом деле вообще мало что значат, всё определяют только поступки. И сейчас она пожинает плоды своего выбора, независимо от того, понятны ей или нет его причинно-следственные связи.

Изо рта вырывался пар. Деревья, заборы, асфальт, провода – всё серебрилось ледяной изморозью, всё мерцало в свете синих прожекторов, и это было очень красиво, хоть и сулило неминуемую беду – с приходом ночи холод становился безжалостным. Идти было легче, чем позавчера, когда глаза заметала метель, и Натка пока держалась, хоть и знала, что скоро ей захочется сесть, а потом, почувствовав зловещую сонливость – и лечь. Вопрос лишь в том, успеет ли она к тому времени дойти до жилых домов?

Увы, попасть в чужой подъезд посреди ночи далеко не так просто и быстро, как днём. Придётся звонить через домофон в первую попавшуюся квартиру, просить о помощи незнакомых людей, говорить что она замерзает. Авось, кто-нибудь сжалится и откроет дверь. А если не откроет...

Додумать Натка не успела – внезапно дорогу перед ней залил жёлтый свет, а за спиной прозвучал резкий автомобильный сигнал. Только сейчас сообразив, что всё это время брела по середине проезжей части, она, ведомая инстинктом самосохранения, отреагировала мгновенно, и вместо того, чтобы отойти к обочине, развернулась навстречу одинокому автомобилю. Взвизгнули тормоза, Наткины бесчувственные от холода руки упёрлась в рычащий капот, она почти упала на него, и замерла, покорно ожидая дальнейшего развития событий.

Развитие не заставило себя ждать. Дверца машины распахнулась и оттуда, как чёрт из табакерки, выскочил невысокий коренастый мужичок.

– Ты чего, дура, под колёса кидаешься?! Жить надоело?!

«Помогите!» – хотела сказать Натка, но обмороженные губы отказались двигаться, с них сорвалось лишь нечленораздельное мычание. Она затрясла головой.

– Чего ты?! – мужичок оказался рядом, рывком развернул её к себе, – Случилось что?

Она закивала, глядя на него круглыми умоляющими глазами и продолжая безрезультатные попытки объяснить своё плачевное положение.

– Пьяная? – мужичок шагнул ближе, потянул носом, и Натка испугалась, что учуяв исходящий от неё запах перебродившего алкоголя, он преисполнится презрением, оттолкнёт её к обочине и уедет.

– За... мер... за... – просипела она, инстинктивно уцепившись за куртку мужичка, как за спасательный круг, – Помогите...

Тот нахмурился. Несколько секунд о чём-то сосредоточенно думал, потом принял решение.

– Ну-ка, давай!

Бесцеремонно сгрёб в горсть Наткин воротник, поволок её за собой, затолкал на пассажирское сидение машины, которая оказалась старенькой праворульной «Тойотой». Уселся сам и включил печку на полную мощность, но Натка не почувствовала спасительного тепла – её продолжало колотить.

– Ох и разит от тебя! – укоризненно покачал головой мужичок, – Зачем пьёшь, молодая? И чего тут забыла ночью?

– Я... заблудилась, – соврала Натка. Не потому, что хотела что-то скрыть от пришедшего ей на помощь человека – просто не было сейчас сил что-то объяснять и рассказывать.

– Заблудилась? Ну да, заблудиться здесь – раз плюнуть. А куда тебе надо?

Натка задумалась. Куда ей надо? Дома как такового у неё давно не было, жила она обычно то у очередного рыцаря, то у друга Вити, пятидесятилетнего алкоголика, который в силу плачевного состояния организма уже давно ничего не хотел как мужчина, и не интересовался Наткиным телом. Зато у них была дружба. Настоящий симбиоз двух отщепенцев, которым больше никому довериться. И взаимовыгодное сотрудничество, если это можно так назвать – Витя пускал Натку жить в свою задрипанную однокомнатную хрущёбу, а она убиралась там, готовила еду, и бегала в магазин, когда он тяжело болел с похмелья.

Сумей она сейчас попасть к Вите, у неё гарантированно была бы крыша над головой на ближайшие недели, а возможно и на всю зиму. Одна проблема – Витя живёт в Омске. А она сейчас какого-то хрена потеряла в долбаном Новосибирске!

– Н... на вокзал, – наконец сказала Натка, приняв решение.

Сегодняшнюю ночь она проведёт в зале ожидания, а с утра попробует добраться до Омска электричками. Или автостопом, есть и такой вариант.

Мужичок глядел на неё сбоку, пристально изучая худое бледное лицо, круги под глазами, дурацкие двухцветные волосы, слишком лёгкую для нынешней погоды одежду... и, всё поняв, спросил:

– Выпить хочешь? Для сугреву?

Человеку, жизнь которого не душит в своих кольцах зелёный змий, никогда не услышать и не понять волшебной музыки таких слов. Такие слова способны изменить всё, перечеркнуть планы, перевести стрелку событий, пустить их в сторону противоположную той, что задумывалась изначально. Вот и Натка сразу забыла, что хотела ехать на вокзал, ведь мир вокруг неё, ещё секунду назад бывший серым призраком самого себя, вдруг засиял свежими красками! Для этого хватило даже не очередного приёма алкоголя, а лишь одного его обещания.

И она ответила:

– Хочу.

Влад, как представился мужичок, повеселевший и маслянисто заблестевший глазками после её согласия, привёз Натку в капитальный гараж. Здесь не было холодно, чего она поначалу опасалась, горел свет, и даже стоял диван, разумеется, самого затрапезного вида. Остальная нехитрая мебель: стол, пара стульев, громоздкий шкаф – тоже оставляли желать лучшего. В общем ничего общего с вагончиком Митрия, но это сейчас не имело значения. Ничего не имело значения, даже украдкие взгляды Влада, которые Натка то и дело ловила на своей пятой точке. Важно было лишь то, зачем она сюда приехала. Чего сейчас ждала.

– Я ж тут буквально двадцать минут назад был, – суетился хозяин гаража, вытаскивая из угла и подключая к розетке допотопный обогреватель, – Чуешь, тепло? Не успело выступиться, а ща ещё жару поддадим – мигом согреешься! Ты садись на диван, подлечишься, сразу хорошо станет...

Натка тяжело сглотнула слюну. В том, что станет хорошо она очень сомневалась – запой, как выяснилось сегодня утром, уже ушёл на тот уровень, когда выпитое не приносит удовольствия, а лишь даёт возможность чувствовать себя более-менее лучше, ровно настолько, чтобы держаться на ногах и не трястись как в лихорадке. Но и это сейчас жизненно необходимо, учитывая, что завтра ей предстоит долгая и наверняка трудная дорога до Омска...

Влад по пояс нырнул в тёмные недра видавшего виды шкафа, почти целиком загораживающего одну из стен гаража, завозился там, забубнил себе под нос:

– Где же ты... вот, родимая! А банки где? Что за... Вот дерьмо, неужели они всё сожрали?!

Он вынырнул под свет тусклой жёлтой лампочки, озабоченно потёр подбородок.

– Слышь, Наточка, а закуски-то и нет! Не рассчитал я...

– Да ладно, не надо! – она не сводила глаз с початой бутылки водки зажатой в волосатой мужской руке, но Влад затряс головой.

– Не могу я так! Некрасиво оно, да и тебе всяко нужно поесть. Вон – в чём душа держится! Знаешь, что? А давай-ка я, пока не накатил, метнусь в круглосуток, на машине тут быстро! Куплю чего повкуснее, вернусь, а тогда и по-человечески отдохнуть можно будет.

Он многозначительно подмигнул, но Натка не обратила на это внимания – её накрыло приступом отчаяния. Ждать?! И неважно, что всего каких-то пятнадцать-двадцать минут – для человека, который корчится в муках абстыги, каждая секунда – гребаная вечность!

Но Влад оказался мужиком с пониманием. А может просто хотел, чтобы к его возвращению пьющая, а потому наверняка доступная девица, уже дошла до нужной степени доброты.

– Ты вот что, – он широко шагнул к Натке, поставил бутылку у её ног, – Поправься пока, а я мигом! И чувствуй себя как дома, лезь с ногами на диван – быстрее согреешься.

Обрадованной Натке не пришлось предлагать дважды, она скинула промёрзшие насквозь ботинки, поджала под себя ступни-ледышки, и тут же, не дожидаясь пока Влад уедет, свинтила крышку с вожделенной бутылки, приложилась к ней, сделала жадный глоток. А чего стесняться? Если уж ей и радушному хозяину гаража предстоит ночевать вместе, то пусть он сразу видит с кем связывается.

Влада не смутила её торопливость, скорее даже обрадовала. Он одобрительно кивнул.

– Вот это по-нашему! А чего ломаться-церемониться, мы люди простые, ага?

Натка сделала вид, что не поняла намёка, нахохлилась, сунув руки под мышки, прислушиваясь к ощущениям внутри. Желудок водку принял, рвотных позывов не последовало, хоть она и подозревала, что это просто эффект неожиданности – организм ещё не отошёл от шока, вызванного переохлаждением и у него не было сил сопротивляться новой напасти.

Влад протопал к дверям, за которыми оставил машину, но уже взявшись за ручку, оглянулся. Внимательно и странно поглядел на Натку.

– А родители-то у тебя есть? – спросил совсем другим тоном, без капли прежней игривости.

– Нет, – машинально ответила она, не успев задуматься о причине такого несвоевременного вопроса.

И почувствовала неясную тревогу, увидев в глазах мужчины промелькнувшее облегчение, которое он поспешил спрятать.

Пить в одиночестве всё-таки легче. Обратное утверждают только те, кто пьёт не ради выпивки, а ради компании, но такую практику Натка с высоты своего алкогольного стажа не могла даже воспринимать серьёзно. Конечно, она с удовольствием предавалась воздействиям и в кругу себе подобных, но если был выбор, предпочитала пьянеть одна. Их с алкоголем отношения давно перешли на тот интимный уровень, когда третий – уже лишний.

Вот и сейчас, едва только за Владом закрылась дверь, она жадно приникла к горлышку бутылки. Выдох-глоток-выдох. Подождать пока спасительная горечь уляжется в желудке и начнёт расплзаться по телу приятной волной расслабления. Выдох-глоток-выдох...

Стало почти хорошо. Обогреватель уютно гудел в углу, продавленный диван принимал форму тела, а впереди была целая ночь в тепле и в сытости. Да, её придётся разделить с Владом, такова цена за всё вышеперечисленное, но мысль об этом не вызвала в Натке отторжения. В конце концов, Влад вроде нормальный мужик, ни старый, ни жирный, с довольно правильными чертами лица и чистой одеждой, чего ещё надо? Такому можно не только дать, но даже получить от этого удовольствие. На оргазмы Натка не рассчитывала, но утолить тактильный голод и получить хоть какое-то подобие человеческой близости, наверняка получится.

И лишь одно сейчас мешало полному релаксу. Вопрос Влада о её родителях и промелькнувшее во взгляде облегчение, когда она ответила, что родителей у неё нет, тем самым опро-

метчиво дав понять, что беспокоиться о ней некому. Она конечно успокаивала себя тем, что вряд ли заурядный мужичок, по уши довольный тем, что нежданно-негаданно снял молодую девку, окажется маньяком, но грызущий червячок беспокойства всё же давал о себе знать.

Впрочем, Натка хорошо знала, что нужно делать с такими червячками, как заставить их исчезнуть. Она снова подняла бутылку ко рту. И к тому времени, когда снаружи раздалось фырканье старенькой «Тойоты», не только успокоилась, но и чувствовала себя на удивление сносно. Руки и ноги уже не тряслись, головная боль прошла, даже слабость немного отступила. Более того – у неё проснулся аппетит, слабенький, робкий, но он имел место быть, что само по себе удивляло. А если вспомнить, сколько времени прошло с последнего приёма пищи (сутки, двое?) то ещё и радовало.

Поэтому, дождавшись возвращения Влада, Натка оживлённо встрепенулась, спустила ноги с дивана, и поставив наполовину опустевшую бутылку на пол, слушала, как на улице сначала заскрипела под колёсами автомобиля наледь луж, затем заглох мотор, хлопнула дверца... и ещё одна... и ещё.

Подмышки моментально взмокли. Алкаши и так постоянно потеют, а уж при каком-либо эмоциональном всплеске пот начинает просто литься ручьём, тем обильнее, чем ярче и негативнее испытываемые эмоции. Эмоция же, накрывшая сейчас Натку была одной из самых неприятнейших для любого человека – страх. Лишающий силы воли страх животного, попавшего в ловушку.

Влад вернулся не один! И кто же мог в столь поздний час приехать вместе с ним в гараж, где заперта так удачно подвернувшаяся пьяная девчонка? А стены здесь кирпичные, а кругом ни души, хоть изойди криком – никто не услышит. Да и разве дадут ей кричать?

В бродячей Наткиной жизни было всякое, был и секс не совсем по согласию. Но «не совсем по согласию» – это когда ты по пьяни уснула одна, а проснулась уже с кем-то. Или проснулась одна, только голая и в засосах. Конечно, обидно, досадно, но ладно. Когда не помнишь о том, что с тобой было, легко можно сделать вид, будто ничего и не было. Потому в таких случаях она не считала себя изнасилованной, и даже соглашалась похмелиться в компании тех, кто недавно беззастенчиво пользовался её бесчувственным телом. Но ещё никогда Натку не принуждали к сексу в ясном сознании. Не хватили за волосы, не рвали одежду, не выкручивали руки, не прижимали потные ладони ко рту... И она боялась этого, тут не было разницы между нею и другими – «порядочными» женщинами.

Дверь открылась, впусив морозный сквозняк. Из уличной темноты показался Влад, но теперь это был совсем другой человек, чужой и отстранённый. Он скользнул по Натке холодным взглядом и посторонился, пропуская тех, кто следовал за ним – троих ничем не примечательных мужчин, коих на улице каждый день видишь десятки. И Натка отстранённо поразила тому, что оказывается каждый из этих десятков может оказаться тем, кто посреди ночи охотно отправится туда, где у него появится возможность безнаказанно воспользоваться чьей-то беспомощностью.

– Ну вот, – Влад кивнул на Натку небрежно, как на неодушевлённый предмет, – Пойдёт?

Она съёжилась под тремя оценивающими взглядами, но не произнесла ни слова, ни сделала ни одного протестующего движения, покорно ждала развития событий, зная по собственному печальному опыту, что бывают ситуации, когда покорность, не важно – судьбе или тем, кто сильнее тебя – единственная разумная линия поведения.

– Бомжовка? – спросил один из мужиков не то у неё, не то у Влада.

Влад пожал плечами.

– Да вроде на вокзал собиралась, может и есть куда поехать. Слышь, убогая, ты где живёшь?

Глядя в ставшие вдруг совершенно незнакомыми глаза, Натка, как загипнотизированная, ответила:

– Постоянно нигде не живу, – и тут же зачастила, словно это могло ей чем-то помочь, – Но у меня есть друг, к которому я хотела поехать, ему одному тоже трудно! Можно я пойду?

Последние слова она произнесла шепотом и без всякой надежды, прекрасно понимая, что эта троица явилась сюда вовсе не затем, чтобы взять и просто отпустить её.

– Тощая какая, – с сомнением заметил второй мужик, – Может больная чем, долго ли протянет?

– Тощие, наоборот, крепкие! – заверил Влад, – На них пахать можно! Молодая опять же. Берёте?

– Как давно пьёшь? – на этот раз один из незнакомцев обратился прямо к Натке.

– Лет десять. Но сначала не сильно, – голос сел до хрипа, и она замолчала, не смея поднять глаза.

– Все сначала не сильно, – хмыкнул молчавший до этого третий мужик, – Рожала?

Натка отрицательно качнула головой. Зачем эти вопросы? И почему они пугают сильнее, чем если бы на неё сейчас просто набросились четвером?

– Родит! – снова влез Влад, – Молодая, крепкая – родит ещё, да не одного! Так по рукам?

Троица переглянулась.

– Вроде ничего. Потрёпанная, конечно...

– А где других-то среди таких возьмёшь?

– Ну давайте, что ли?

Краем глаза Натка видела стеклянное поблёскивание бутылки, стоящей у дивана рядом с её ногой. Воображение нарисовало, как она хватает эту бутылку, со звоном разбивает о голову заманившего её сюда Влада, а «розочкой» пыряет пришлых мужиков в выпирающие из-под курток животы... одного, второго, третьего!

Ага, а потом, смачно плюнув на их бьющиеся в судорогах тела, сексуально покачивая бёдрами, уходит в своё прекрасное будущее. Под торжественную музыку, на фоне ползущих по экрану титров... Жаль, что жизнь – не кино.

Мужики зашевелились, начали переминаться на месте, словно готовясь к некоей утомительной, но необходимой работе. Один извлёк из кармана шуршащий целлофаном свёрток, и Натка уставилась на этот свёрток, как кролик на удава, почувствовав исходящую от него основную угрозу. Предчувствия её не обманули – из шуршащего целлофана появился, хищно поблёскивая иглой, шприц, наполненный прозрачной жидкостью. И вот тогда, поняв, что групповым изнасилованием дело не ограничится, Натка, наконец, заставила себя двигаться.

Нет, она не схватилась за бутылку, даже в такой ситуации стараясь не навлечь на свою бедовую голову ещё большие несчастья. Она просто бросилась к стене гаража, подальше от приближающихся к ней мужчин, заметалась там перепуганным зверьком...

– Не надо, не надо меня ничем колоть, я сама всё сделаю! Пожалуйста, не на...

Её не слушали. Троица действовала слаженно и чётко, словно им не впервой было загонять в угол истошно визжащих девиц, сбивать с ног, прижимать к полу... И ведь скорее всего, действительно, не впервой.

Забавно, но последним, о чём успела пожалеть Натка перед тем, как холодная игла ткнулась ей в вену, надолго погружая в темноту, была так и не допитая ею бутылка водки, оставшаяся сиротливо стоять возле опустевшего дивана...

Глава 6

«Очнулся. Темно. Я посреди поля. На дороге. Привезли, на такси, денег нет, выкинули, где подальше. Холодно. Куда идти? Что-то горит вдалеке. Иду, через поле ближе.

Заправка. Это заправка. Нужно выпить. Вот они родненькие, стоят в холодильнике, так близко и совсем невозможно достать.

Мужики стоят в очереди, прошу помочь. Кто-то сердобольный покупает мне пиво. Спасибо, друг. Сажусь за столик в уголок, отрубаясь.

Очнулся. Там же. Темно. Надо выпить. Официантка сердобольная, повезло. К заправке подъезжает автобус с паломниками, кошерные евреи в шляпах с пейсами. Смешно. Иду просить. Ни один не даёт ни копейки. Светает. Нужно идти дальше, нужно похмелиться. Иду. Я уже на дороге. Магазины. Закрывают. Иду. Я должен идти.

Мужик. Родной!

Да сам ждду. Сейчас откроет. Вечность... ждду.

Выходит. Взял. Пьём. Солнце. Я живой. Домой!»

Натка просыпалась тяжело.

Но то, что для обычного человека было бы кошмаром наяву, для алкоголика – ежедневная, а чаще ежеутренняя реальность. Когда ты пьёшь длительными запоями, то даже не помнишь, как это – проснуться с ясной головой, с приятно расслабленным отдохнувшим телом, с миром в душе. Проснуться, зная, что весь предстоящий день лежит перед тобой незапятнанным белым полотном. Проснуться без судорог бьющегося об грудную клетку сердца, с трудом гонящего по венам густую вязкую кровь, без дрожи внутри, когда кажется, что трепещет каждый орган, без мерзкой вони во рту, словно там переночевала целая компания бомжей. И без единственного оставшегося во всей вселенной стремления – срочно найти то, что может принести хоть малейшее облегчение, хоть минутное спасение от надвигающейся жути: добавить, догнаться, похмелиться, хоть и знаешь прекрасно, что не похмелье сейчас твоя проблема, а нечто куда худшее. Но стараешься об этом не думать, словно одно упоминание страшного слова может удесятерить твои мучения.

Абстяга. Ад на земле. Зияющее тёмное пограничье между двумя мирами: привычным, пусть порой и невыносимо жестоким к таким людям, как Натка, и тем, другим миром, о существовании которого не подозревают умеренно пьющие счастливчики. Тот мир всегда рядом, по другую сторону повседневной реальности, он связан с ней неразрывно, как тень с человеком, он безмолвен и незаметен до поры до времени, но это не делает его менее опасным.

Натка видела людей, которые переступили черту, слишком долго пробыли в пограничье абстяги, слишком далеко зашли в другой мир, и сами стали другими.

Витин друг Валёк трое суток жестоко болел, не в силах сползти с брошенного на пол матраса, слабо просил воды и мочился в банку, а ночью вдруг поднялся чёрной тенью, грациозно и бесшумно, словно призрак над собственной могилой. Поднялся, и, не издав ни звука бросился на Витю, чтобы вцепиться скрюченными пальцами в его горло. Тут бы наверно и распрощался Витя со своей неудавшейся жизнью – настолько неожиданной и яростной была эта атака, если бы ещё не спавшая по счастливой случайности Натка, которая схватила с подоконника утюг и обрушила его с размаху на плешивую голову Валька.

Нет, Валёк не упал в беспамятстве, как этого можно было бы ожидать от измученного, несколько суток не евшего человека. Он бросил душить хрипящего Витю, выпрямился, и до ужаса медленно повернулся к Натке. Она навсегда запомнила этот взгляд. Налитые кровью глаза, полные не злобы или безумия, как можно было ожидать, но – смертельного ужаса.

Ужаса перед чем-то невидимым ей, перед тем, в чьём образе предстал вдруг для Валька злополучный Витя, пытающийся сейчас отдышаться на полу. Это что-то или кто-то спасло тогда Натку, потому что Валёк её не увидел, он увидел нечто за её спиной. Нечто такое, что заставило его лицо потечь как расплавленный пластилин, исказиться до неузнаваемости и затем скомкаться наподобие обрывка бумаги. Это выглядело так страшно, что Натка шарахнулась в сторону, уставилась туда, куда был направлен безумный взгляд Валька, разом забыв, что только сам Валёк и представляет единственную угрозу в этой комнате. Но она ничего не увидела, это видел только он, это было лишь для него. И, страшно закричав, закрыв лицо руками, как насмерть перепуганный ребёнок, он развернулся и бросился в окно, разбив стекло своим тщедушным телом...

Валёк выжил. Этаж, на котором обитал Витя, был, к счастью, всего вторым от земли. А может быть – к несчастью, Натка не могла сказать точно, зная, что случилось с Вальком дальше. Неизвестно, удалось ли ему убежать от того страшного, что увидел он той памятной ночью, но в привычный мир больше не вернулся. Сначала лежал в нарке, куда его увезли сразу после прыжка сквозь оконное стекло с диагнозом «острый алкогольный делирий», потом, так и не оправившись до конца, попал в психбольницу, да там и остался, по слухам разучившись даже говорить. Но Натка не сомневалась, что заговорить при желании он смог бы, только с кем и зачем, если этот мир для Валька перестал существовать?

Алкоголики (разумеется, настоящие алкоголики, а не всякая временами выпивающая шушера, пытающаяся так называться с целью вызвать жалость или привлечь внимание) обычно тесно контактируют между собой. Вместе легче «соображать», да и кому они по большому счёту нужны кроме друг друга? Как учил Витя свою молодую товарку по несчастью: «Ты, дочка, в помощи своим никогда не отказывай, не плюй в колодец, завтра уже тебе помощь понадобится. У нас кроме друг друга никого нет, чистолюди презирают таких как мы – хоть подыхай перед ними, перешагнут и дальше пойдут. Ты знаешь.»

Натка знала, пусть её алкогольный стаж был невелик по сравнению с тем же Витей, но людского презрения она успела хлебнуть сполна. Мир умеренно пьющих не принимает алкашей. Алкаши их пугают, алкаши – это то, что может случиться с каждым, как бы ни утверждали некоторые свою безгрешность. Поэтому их предпочитают не замечать, а если не замечать не удаётся, то обливают презрением и злобой, а порой и открытой ненавистью. Вот и остаётся алкоголикам только тесный круг себе подобных, благодаря чему их информационное пространство сужается до типичных насущных алко-проблем и их решений. Но поскольку жить одними проблемами невозможно, а душа требует простого человеческого общения, то зачастую удачно «сообразив», разжившись закуской и тёплым углом, алкаши пускаются в долгие задушевные беседы. Вот в этих беседах и наслушалась Натка рассказов про соседний вывернутый наизнанку мир, от которого их всех отделяет всего одна лишняя рюмка пошла. И пусть это тёмное призрачное пространство каждый алкаш описывал и называл по-своему, они все знали, что речь идёт об одном и том же.

Самой Натке не доводилось ещё пересекать границу, уходить по ту сторону абстязги, хоть и допивалась она уже до такого состояния, что начинала видеть выходцев оттуда. Бесшумных шпионов, являющихся посмотреть, не готова ли и она, наконец, к персональному приглашению? Однажды, в той же злополучной Витиной хрущобе, в которой и без того частенько творилась разная мелкая чертовщина, из стены осторожно высунулась хитрая собачья мордочка. Совсем не страшная бурая дворняжка физиономия, с полувисячими ушками и чёрным носом-кнопкой. Но было на шерстяном собачьем лице выражение такого нечеловеческого лукавства, что Натка заорала в голос именно от него, а не от самого сумасшедшего факта появления собаки из стены. Витя же, прибежавший на этот ор, отнёсся к произошедшему вполне спокойно, даже обыденно. Он за свои тридцать лет почти непрерывного пьянства видал вещи и подиковиннее.

В другой раз пришельца с той стороны Натка не видела, но слышала. Из унитаза. Это могло бы показаться смешным, если бы не было таким страшным. Свистящий шепот раздался как раз в тот момент, когда она склонилась над белым другом в очередном приступе безудержной рвоты. Это был второй день её невольного выхода из запоя на сухую – очередной рыцарь запер её у себя в квартире, предварительно отобрав ключи, и с Наткой случился приступ панической атаки, когда она поняла, что деваться ей некуда. Голос из унитаза сказал: «Далеко-далеко в лесу есть дом». Он сказал: «Приходи в этот дом и живи там». А ещё: «Живи с медведем, спи с медведем». И напоследок, когда она уже отползала от унитаза на заднице, раскрыв рот в немом крике: «Если плыть, то только вниз по течению». Натка хлопнула дверью туалета так, что треснул косяк, и рыцарь, вернувшийся с работы, долго брюзжал о том, какая она бесполезная дрянь, свалившаяся на его украшенную нимбом голову.

Были и другие случаи, запомнившиеся не так ярко, поскольку произошли или в пьяном дурмане, или на самом выходе из него, когда восприятие окружающего ещё слишком размыто, слишком неотлично от бессвязных алкогольных снов. Хоть и сны эти, обычно полные кошмаров или просто до дури неприятные, но при этом невероятно реалистичные, наверняка сами были пограничем между двумя мирами. Как и пробуждение от них, тот момент, когда с трудом вырываешься из вязкого забытья, как из смрадной трясины, слышишь в ушах тяжёлые удары пульса, и понимаешь – ещё живём, ещё дышим! Вот только решить: хорошо это или плохо – не можешь...

Из всех мучительных Наткиных пробуждений, которых за её недолгую жизнь набралось слишком много, сегодняшнее было самым ужасным.

Она сразу вспомнила всё, что произошло с ней до потери сознания. Вспомнила, ещё не успев открыть глаза, и замерла без движения, без дыхания, испуганным дрожащим комком большой плоти.

Тишина. Ни голосов, ни шорохов. Воздух прохладный, даже холодный, но на удивление свежий. Нет в нём ни кислого запаха перегара, ни застарелого пота, ни сигаретного дыма, ничего, что она обычно обоняла, просыпаясь в подобном состоянии. Под ней – нечто твёрдое и колкое. Но руки свободны. Ноги? Небольшое, давшееся с трудом движение подсказало, что ноги тоже не спутаны и ни к чему ничем не пристёгнуты. Но ведь это ещё ни о чём не говорит, верно? А чтобы узнать больше, придётся открыть глаза. Глаза, в которых, как и во всём теле бьётся со скоростью автоматной очереди пульс. Здравствуй, абстятга, всё-таки ты меня догнала, впрочем, как и всегда...

Свет едва проникал сквозь веки, приглушённый, неяркий, но Натка на всякий случай бросила первый взгляд вокруг сквозь едва приоткрытые ресницы. Дощатый пол. Бревенчатые стены. И... печь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.